

№ 43. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.: на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 27 Октября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ. Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Осень.

(На мотивъ изъ Коппе.)

Стих. Д. Л. Михаловскаго.

Пока рѣкъ не сковалъ ледянистый покровъ,
Не нагрянули вьюги, морозы,—
Слушай пѣсни послѣднихъ крылатыхъ пѣвцовъ,
Посмотри на послѣднія розы.

Вся въ уборѣ деревьевъ своихъ золотомъ,
Догорая пурпурнымъ закатомъ,
Осень дышетъ еще благодатнымъ тепломъ
И послѣднихъ цвѣтовъ ароматомъ.

Но ты знаешь, что скоро исчезнутъ они—
Эти тоны, и краски, и звуки:
Полюбуйся же ими, послушай, взгляни,
Предъ минутой печальной разлуки.

Теплый воздухъ вдохни, еще разъ углубись
Въ это небо, съ его синевою,
Посмотри на поля, на лѣса, насладись
Умирающей ихъ красотою.

И послѣдній свой замокъ воздушный построй,
Позабывъ, что слышна ужь тревога:
Что со снѣгомъ и бурей своей ледяной
Ужь стучится зима у порога;

Что опавшіе листья она подмететъ
И пѣвцовъ голосистыхъ прогонитъ,
Бѣлымъ снѣгомъ долины, поля занесетъ—
И твой замокъ подъ нимъ похоронитъ...

Іовъ изъ Унтераха

Эскизъ Карла Эмиля Францоза. Переводъ съ нѣмецкаго М. Л-ой.

Прошлое лѣто прожилъ я въ Унтерахѣ; это—прелестная, уединенная деревушка у подножія горъ и на берегу озера, до сихъ поръ еще, слава Богу, не вошедшая въ моду и извѣстность, оттого то тамъ такъ уютно живется и такъ хорошо дышется. Пусть запомнитъ названіе этого мѣстечка тотъ человѣкъ, который ничего не ищетъ на землѣ, кромѣ чуднаго, возвышающаго душу вида—для взора, освѣжающаго купанія и глубокой, глубокой тишины, постепенно врачующей и разрѣшающей мученіе чрезмѣрно напряженныхъ нервовъ. Если-же ему и случится, какъ мнѣ, покачать головой, глядя на доморощенное пониманіе и исполненіе «вѣнской шницель» или «англійскаго бифштекса», если ему и придется иногда, вспомнивъ извѣстную поговорку: «хорошій обѣдъ—поэма», мало по малу убѣдиться, что Нэтли, кухарка почтовой гостинницы,—прозаическая натура, никогда не производящая стиховъ, то все же онъ примирится и стихнетъ, какъ только подыметъ глаза и перестанетъ смотрѣть въ тарелку. Голодный желудокъ, въ концѣ концовъ и какъ бы то ни было,—все-же насытится, жаждующее же око никогда не можетъ наглядѣться на строгую и въ то-же время миловидную картину, ежедневно расцвѣтающуюся передъ глазами, все ту-же самую и между тѣмъ вѣчно привлекающую своей восхитительной новизной. Вотъ мощно и широко разливаясь, блеститъ и искрится озеро Аттеръ—«Австрійское море»; тамъ высятся къ облакамъ строгія очертанія сѣдыхъ скалъ подъ названіемъ «адскихъ горъ»; здѣсь на горѣ шумитъ вѣтвями темнозеленый боръ Аттергаузъ и кто не боится полумили пути,—можетъ изъ этой же благословенной деревеньки увидать у ногъ своихъ три самыхъ красивыхъ изъ всѣхъ находящихся въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ озера и слышать ропотъ ихъ волнъ. Конечно, на бѣдной планетѣ нашей нѣтъ ничего настолько свѣтлаго и прекраснаго, въ чемъ бы не было въ то-же время своей ужасающей и наводящей страхъ темной стороны, такъ и здѣсь: каждое лѣто во имя этой красоты въ «Унтерахской книгѣ для путешественниковъ» все прибываютъ и вновь прибываютъ многія и длинныя стихотворенія. Обыкновенно читаютъ ихъ только тѣ, которые сами пополняютъ это изданіе новыми стихами и, такимъ образомъ, утѣшительной является мысль, что злое дѣло въ себѣ самомъ уже несетъ наказаніе. Только природу воспѣваютъ эти поэты и одинъ только нашелся биржевикъ изъ Вѣны, который вспомнилъ о людяхъ: онъ съ тонкимъ тактомъ, свойственнымъ этому классу, глумится надъ тѣмъ, что народъ такъ богомоленъ въ Аттерау. Я подумалъ, что дѣйствительно хорошо бы было, еслибъ рядомъ съ каждой прекрасной церковью возвышалась бы и прекрасная школа; но только легкомысленный невѣжда можетъ смѣяться надъ тѣмъ, что народъ, ведущій въ этихъ горахъ борьбу за существованіе, ежедневно, жадными и долгими глотками утоляетъ жажду изъ источника своихъ вѣрованій, потому что таже природа, которая такъ привѣтливо улыбается намъ, горожанамъ, впродолженіи короткаго лѣта, являетъ имъ, мѣстнымъ жителямъ, строгій, безжалостный ликъ; суровы и жестки дѣянія ея и полна безграничныхъ ужасовъ ея разнузданность. Я, быть можетъ, не достаточно современный человѣкъ, это легко можетъ статься, но никогда въ жизнь свою не былъ бы я въ состояніи насмѣшливо улыбнуться, глядя на тѣ безчисленные кресты и часовни, которыми усѣяны всѣ дороги, и слыша однообразное хоровое пѣніе, длящееся по получасу, звуки котораго раздаются по четыре раза въ день изъ-подъ здѣшнихъ низенькихъ крышъ. Всякій разъ я думаю о томъ, что надъ этими хижинами съ ноября до апрѣля злятся метели и люди, въ нихъ живущіе, должны зарабатывать свой хлѣбъ, какъ дровосѣки или сплавщики лѣса. Земледѣліемъ не много выработаешь въ этой суровой полосѣ; кустарная же промышленность мало распространена, а вслѣдствіе разныхъ грустныхъ обстоятельствъ едва-ли она разовьется прежде, нежели пройдутъ десятилѣтія. Такимъ образомъ, скудный кусокъ хлѣба даетъ человѣку только озеро и лѣсъ, но и они порою бываютъ жестоки и коварны и не одному труженнику приходилось встрѣчать смерть тамъ, гдѣ чаялъ найдти награду. Увы! не преувеличенный страхъ и не мнительность заставляютъ людей быть ежечасно готовыми къ худшему, но ежедневный опытъ. Боже мой! что-бы было съ этимъ обремененнымъ людомъ, если-бы не стало у него возможности пить изъ источника невещественнаго, который закаляетъ и утѣшаетъ его? И что-бы сдѣлалось тогда съ унтерахскимъ Эбенгизелемъ?

Эбенгизель не болѣе, какъ бѣдный дровосѣкъ, ничѣмъ особеннымъ, ни геніемъ, ни образованіемъ не отличающійся. И все-же, разсказывая повѣсть его жизни, я ищу разрѣшенія на одинъ вѣчный, мучительный вопросъ. Но достоинъ ли этого Эбенгизель? Въ книгѣ начертано, что передъ Богомъ всѣ равны, также и передъ тѣмъ Богомъ, передъ которымъ я преклоняюсь и коего законы нигдѣ не начертаны въ опредѣленныхъ заповѣдяхъ, но оттого-то, можетъ быть, они тѣмъ яснѣе запечатлѣны въ дѣйствіяхъ природы и ощущеніяхъ человѣческаго сердца. Есть и еще вопросъ: достаточно ли интересенъ этотъ бѣдный, ограниченный старикъ, чтобы стоило о немъ пи-

сать? Но это вопросъ по моему не основательный. Всѣ люди одинаково интересны, если поглубже ихъ изучить; цѣлый фоліантъ можно бы исписать, слѣдя за жизнью и развитіемъ незначительнѣйшаго субъекта и фоліантъ этотъ оказался бы исполненнымъ животрепещущаго интереса и замѣчательнѣйшей книгой, если-бы возможно было изложить въ ней все такъ, какъ происходило на самомъ дѣлѣ. Капля росы не похожа на море, явленія душевнаго міра не всѣ одинаково привлекательны, многозначительны и не производятъ одинако-сильнаго впечатлѣнія. Но надъ моремъ, какъ и надъ росинкой, господствуютъ тѣ же законы природы и изучать преломленіе свѣтовыхъ лучей въ водѣ можно одинаково какъ въ морѣ, такъ и въ крошечной каплѣ росы, повисшей на былинкѣ. Многіе собесѣдники ваши везутъ васъ на горделивомъ корабдѣ прямо въ открытое море; выслушайте же благодушно разсказъ и того человѣка, сердцу и судьбѣ котораго ближе и понятнѣй нагнуться къ ничтожной капелькѣ росы.

Познакомился я съ Эбенгизелемъ и его исторіей самымъ обыкновеннымъ образомъ и я думаю, что лучше всего не пытаться мнѣ облекать старика и его разсказъ въ романтично-нарядную мантію. Откровенно сознаюсь, что въ первый разъ увидалъ я его не при громѣ и молніи и не въ глубокой пещерѣ, а просто въ ясное августовское утро повстрѣчался съ нимъ въ унтерахской мелочной лавочкѣ въ домѣ Каспара Дейблера. Домъ этотъ стоитъ на томъ же холмѣ, гдѣ выстроена бѣлая церковь и расположено сельское кладбище; онъ виденъ издали и какъ будто господствуетъ надъ всѣмъ озеромъ, обращая на себя вниманіе яркостью своей желтой окраски. Репутація этого дома, какъ магазина, гдѣ можно купить лучшія сигары, распространилась еще дальше. Говорятъ, будто лестное реноме утвердилось за нимъ собственно оттого, что теперешній обладатель лавочки (нѣкто Готлибъ Миттендорферъ, человѣкъ основательно гордящійся своей рыжей бородой), зять старика Дейблера, перекрестилъ уже трехъ ребятъ у содержателя табачнаго склада при мондзеевскомъ рынкѣ.

Весьма возможно, что это и такъ. Оттого-ли, что мондзеевское семейство не увеличивалось за послѣднее время и старая дружба не много заржавѣла за неимѣніемъ обновляющихъ элементовъ, или вслѣдствіе того, что контора въ послѣдній періодъ выдавала сплошь такія скверныя сигары, что ихъ нельзя было подраздѣлить ни на какія категоріи, — но дѣло въ томъ, что въ августѣ «императорско-королевскій курительный матеріалъ», былъ дуренъ, очень дуренъ, даже и въ дейблеровскомъ торговомъ домѣ Унтераха. Курить его было совершенное мученіе и задача весьма не легкая каждое утро выбирать болѣе годную въ массѣ этихъ мокрыхъ, поблеклыхъ, криво скрученныхъ сигаръ.

Тотъ, кто оцѣнитъ страданія такого рода и сочувственно къ нимъ отнесется, пойметъ, что я каждое утро стоналъ, какъ турокъ, и произносилъ проклятія, какъ римскій папа.

Тоже самое случилось и въ то августовское утро. Рыжебородый красавецъ Готлибъ улыбался съ сострадательной насмѣшкой, но не говорилъ ни слова. За то какой-то покупщикъ, вошедшій послѣ меня, на котораго я было не обратилъ вниманія, какъ будто обидѣлся на мои жалобы и, обрывая мой монологъ, ввернулъ явственно и медленно слѣдующее замѣчаніе: «господинъ, вѣроятно, еще молодъ; очень, должно быть, молодъ».

Я взглянулъ на говорящаго: то былъ старикъ въ крестьянскомъ костюмѣ той мѣстности; но одежда его была заплатана и бѣдна; загорѣлыя, морщинистыя колѣна высовывались изъ подъ коротенькихъ кожанныхъ штановъ, существованіе которыхъ должно бы было давно прекратиться за древностію по непреложнымъ законамъ природы. Появленіе его и вмѣшательство въ разговоръ не производили впечатлѣнія навязчивости; можетъ быть, въ этомъ случаѣ меня подкупала красота того старческаго чела. Выраженіе безконечной кротости лежало на блѣдномъ, изборожденномъ морщинами лицѣ; черты были законченной правильности и густые, сѣдые длинные волосы почтенно обрамляли его лобъ и щеки. Глаза его были на половину закрыты и когда онъ поднялъ ихъ, я узналъ, что свѣтъ въ нихъ погасъ.

— Отчего вы предполагаете, что я такъ молодъ? спросилъ я слѣпого.

— Да какъ же иначе, возразилъ онъ, улыбаясь; вы должны быть очень молоды. Во-первыхъ, всякій табакъ всегда очень дуренъ и молодые люди всегда на это сѣтуютъ, надѣясь на перемѣну. Во-вторыхъ, только молодой человѣкъ можетъ жаловаться на такіе пустяки, вѣдь онъ еще не знаетъ настоящаго горя; впослѣдствіи уже является терпѣніе и молчаливая покорность даже при болѣе сильной скорби.

Я не охотно философствую съ развитыми дамами, такъ называемыми beaux-esprits, но весьма люблю потолковать съ стихійнымъ самородкомъ, какъ этотъ старикъ.

— А мнѣ кажется дѣло иначе, отвѣтилъ я. Во-первыхъ потому, что это уже свойство человѣка жаловаться даже на то, чего измѣнить нельзя, при чемъ между прочимъ не мѣшаетъ замѣтить, что сигары не всегда ужь такъ дурны...

— Сигаръ, перебилъ меня слѣпецъ, — я не курю, но табакъ для трубки всегда дуренъ и по моему свойственно только глупцамъ дѣлать шумъ изъ за неизбѣжнаго. Ну, говорите дальше.

— Во-вторыхъ, продолжалъ я, много есть людей такихъ, которые переносятъ болѣе сильную скорбь молча, а при маленькой непріятности надѣлаютъ пропасть шума.

— Этого-то, видите-ли, отвѣчалъ старикъ, я не понимаю. Можетъ быть, оттого, что вы горожанинъ, а я дровосѣкъ. Однако не думаю, чтобы въ городѣ люди были иные, нежели въ деревнѣ. Созданы-то всѣ одинаково изъ плоти и крови; при небольшой ссадинѣ покричишь немножко, а какъ вырвутъ цѣлый клокъ мяса, ну и кричишь сильнѣй. Вотъ и не соображу, что вы понимаете подъ словами «маленькая непріятность» и «большой шумъ».

Я пробовалъ уяснить ему мою мысль и не смущался насмѣшливой улыбкой рыжебородаго. Готлибъ, образованнѣйшій человѣкъ Унтераха, ежедневно читавшій «Вѣнскій дневникъ новостей», уже, конечно, никогда не философствовалъ съ какимъ-нибудь старымъ дровосѣкомъ, только изрѣдка снисходилъ онъ до беседы съ мѣстнымъ фельдшеромъ Анжелисомъ или купцомъ Солтеромъ. Слѣдовательно, если мое намѣреніе не увѣнчалось успѣхомъ, то язвительная усмѣшка лавочника была не причемъ; я не могъ довести старика до пониманія моей мысли только потому, что мы подошли къ той грани, которая отдѣляетъ культурнаго человѣка отъ стихійнаго, еще не прирученнаго, не умѣющаго справляться съ своимъ сердцемъ и слѣдующаго своимъ инстинктамъ безъ особенной борьбы съ самимъ собою.

— Не понимаю васъ, баринъ, возразилъ мнѣ слѣпой вдумчиво, но рѣшительно, — человѣкъ не дерево; чѣмъ глубже его рѣжутъ, тѣмъ сильнѣй онъ кричитъ. Ну, а теперь дальше вотъ что я думаю: при первомъ порѣзѣ — кричишь ужасно, при второмъ и третьемъ уже потише, а подъ конецъ — такъ только, слабо стонешь. Вотъ видите-ли, когда мнѣ моего Ганса принесли на носилкахъ, я еще громко кричалъ, а когда три года тому назадъ я ослѣпъ, — то ужь совсѣмъ не жаловался.

— Вы видѣли много горя? спросилъ я съ участіемъ.

— Много, господинъ, много всего было. Но, вотъ что, прибавилъ онъ съ кроткой, почти веселой улыбкой, безъ всякой примѣси торжественности, что Господь посылаетъ, то и къ лучшему, а кто жалуется, тотъ обвиняетъ Бога, а это и грѣшно и глупо.

Я ничего не съумѣлъ отвѣтить старику, но за то сейчасъ же нашелся нашъ мѣстный интеллигентъ:

— Прибавьте къ этому, Эбенгизель, что не у всякаго такой кроткій нравъ, какъ у васъ. Не даромъ же васъ зовутъ нашимъ Іовомъ.

Похвала эта, однако, какъ будто, разстроила слѣпого. Онъ махнулъ рукой и щеки его покрылись легкимъ румянцемъ.

— Іовъ! воскликнулъ онъ, — тотъ мнѣ не другъ, кто придумалъ для меня эту кличку.

— Почему же? спросилъ купецъ съ удивленіемъ, — Іовомъ звали кроткаго страдальца, о которомъ написано въ святой книгѣ.

— Кротокъ-то онъ и не былъ! сказалъ старикъ почти вспыльчиво. — Видите-ли, я католикъ, и изъ насъ немногіе читаютъ святыя книги, да и изъ тѣхъ немногихъ, только нѣкоторые довѣряютъ еврейскому писанію. Я же читалъ, назидался ветхимъ завѣтомъ, не смотря на то, что патеръ не однократно говаривалъ мнѣ: «Эбенгизель, брось ветхій завѣтъ; въ немъ откровеніе только проклятымъ евреямъ; на христіанина же часто нападаютъ при этомъ чтеніи дурныя мысли и онъ самъ не знаетъ, какъ и почему». А я все таки читалъ, и находило на меня набожное настроеніе, и укрѣплялся я духомъ до тѣхъ поръ, пока не наткнулся на двѣ книги, и вотъ онѣ-то совсѣмъ мнѣ не понравились. Во первыхъ, пѣсня пѣсней. Видите-ли, я хорошо понимаю, что подъ именемъ жениха подразумѣвается нашъ Спаситель-Христосъ, а невѣста есть святая католическая церковь, но для подобной мысли нужно серіозное изложеніе. А то, что тамъ написано, я никогда не говаривалъ даже своей Катѣ, когда украдкой ходилъ подъ ея окно. Вѣдь молодымъ-то людямъ жарко становится отъ подобныхъ рѣчей и, пожалуй, читая ихъ, они забудутъ и Христа, и церковь.

— Вотъ оттого-то, сказалъ купецъ, пусть бы пѣснь-пѣсней и читали евреи, а изъ христіанъ только одни священники.

Старикъ покачалъ головой.

— Ну ихъ, евреевъ, мнѣ все равно, жарко имъ или холодно, но и для молодого священника это чтеніе опасно. Вторая книга, продолжалъ онъ, — именно и есть — книга Іова, въ честь которой вы дали мнѣ прозвище на старости моихъ лѣтъ. Клички этой я и слышать не хочу. Эта книга совсѣмъ не хороша. Во-первыхъ, мнѣ не по душѣ, что Богъ Отецъ бьется за Іова съ чертомъ объ закладъ. Объ закладъ биться могутъ Ванька-кудряшъ съ Антономъ-рябымъ, кто изъ нихъ скорѣе догребетъ на лодкѣ въ Вейснахъ; или вы, лавочникъ, съ купцомъ Сольтеромъ, который изъ васъ скорѣй распродастъ товаръ къ извѣстному сроку; а Господу Богу биться съ чертомъ объ закладъ — совсѣмъ не приличествуетъ. Совсѣмъ, совсѣмъ таки это не ладно. Я и говорю себѣ, что случилось это въ еврейскія времена, а теперь бы этого не было, потому что Іисусъ Христосъ и Пречистая Матерь Божія отсовѣтовали-бы ему, но и тогда все-таки не слѣдовало-бы ему этого дѣлать, а если уже дѣло было сдѣлано, то надо бы объ этомъ молчать, а никакъ не выставлять въ святой книгѣ.

— Христосъ съ вами, Эбенгизель, что вы такое говорите? наставительно замѣтилъ на это лавочникъ. — Что если-бы патеръ васъ слышалъ!

— Я ему все самъ говорилъ, отвѣтилъ слѣпой, — и вотъ тогда-то священникъ и сказалъ мнѣ

тѣ слова о ветхомъ завѣтѣ; въ томъ только и заключалось его опроверженіе, а также и относительно второго и третьяго пунктовъ. Второй-то пунктъ тотъ, что со стороны Іова совсѣмъ не хорошо, что онъ подъ конецъ все таки дошелъ до отчаянія и возроптадъ; никому не подобаетъ роптать, а тѣмъ болѣе праведнику. Что Господь творитъ, то и къ лучшему, всегда и вездѣ. И если простительна жалоба при первой сильной скорби, то при послѣдней—уже конечно нѣтъ, тогда вѣдь уже ясно видна рука Господня и воля Его. А этотъ Іовъ—такой человѣкъ, который себя любитъ больше всего на свѣтѣ, онъ тогда только возроптадъ, когда рука Господня поразила его собственное тѣло; но сердцу благочестиваго больнѣе видѣть цвѣтущихъ дѣтей своихъ увядающими или сходящими въ могилу мгновенно, какъ будто пораженными громовой стрѣлой, нежели когда несчастіе постигнетъ лично его, его тѣло, напримѣръ: если лишится глазъ или другихъ членовъ. Да, больнѣе, баринъ, много больнѣе; я это знаю; испыталъ и то, и другое!

Послѣднія слова говорилъ онъ такимъ своеобразнымъ тономъ и голосъ его такъ дрожалъ, что у меня сердце перевернулось. Только спустя нѣсколько минутъ, могъ я возобновить разговоръ съ нимъ.

— Отчего же вамъ въ третьихъ не нравится книга Іова?

— Въ третьихъ, былъ отвѣтъ, потому, что Іовъ еще на землѣ получилъ снова все, что потерялъ: и домъ, и дворъ, и скотъ, здоровье тѣлесное и даже цвѣтущихъ дѣтей. Видите, можетъ быть, оно такъ и было, да писать-то этого не слѣдовало. Жребій Іова возбуждаетъ зависть, или безумныя надежды; а вѣдь на землѣ нечего ждать человѣку, кромѣ горя, да сердечной скорби, и только тамъ, на томъ свѣтѣ, придутъ радости; вотъ и знаешь, зачѣмъ живешь и страдаешь.

— А если радости и на томъ свѣтѣ не придутъ? спросилъ купецъ, самодовольно улыбаясь своему остроумію и дальновидности.—Или у васъ на это есть документъ, Эбенгизель?

— Молчите, вскричалъ старикъ и на лицѣ его, всегда кроткомъ, легла черта какой-то сумрачной строгости.—Молчи, торгашъ! кто сомнѣвается въ будущемъ уравновѣшеніи—тотъ сомнѣвается въ Богѣ и есть грѣшникъ. Но, продолжалъ онъ болѣе спокойно и голосъ его зазвучалъ мягко и кротко,—если вы сдѣлали этотъ вопросъ отъ сердца, отъ души, то я не стану на васъ сердиться—вы и такъ достаточно наказаны. Какъ можете вы переносить эту жизнь, хотя бы одинъ часъ, если не считаете ее преддверіемъ къ состоянію вѣчной справедливости? Вѣдь въ такомъ случаѣ вы бѣдны, бѣднѣй меня, котораго прозвали Іовомъ.

— Вѣдь я же вѣрую, возразилъ лавочникъ немного сконфуженно;—нельзя же и въ самомъ дѣлѣ прямо проповѣдь читать, какъ патеръ.

— Ну, тотъ проповѣдуетъ иначе, сказалъ старикъ, улыбаясь,—совершенно иначе.

— Неужели же онъ недостаточно благочестивъ по вашему? спросилъ я.

— Слишкомъ благочестивъ, отвѣчалъ старикъ коротко. — Онъ такъ проповѣдуетъ, будто человѣкъ долженъ прямо быть ангеломъ, но и человѣкомъ-то довольно трудно быть.

Тутъ онъ вынулъ свой кожанный кошелекъ и передалъ его лавочнику для того, чтобы тотъ могъ самъ взять изъ него то, что Эбенгизель ему задолжалъ.

— Вы, должно быть, недавно лишились зрѣнія, замѣтилъ я,—слѣпые, по большей части, узнаютъ деньги на ощупь.

— Да, обыкновенно это такъ, подтвердилъ старикъ,—но моя рука стала жестка отъ грубой работы и мнѣ никогда не разобрать всей этой мелочи пальцами.

— Какимъ образомъ вы ослѣпли? спросилъ я, не столько для того, чтобы вовлечь его въ дальнѣйшій разговоръ, но и потому, что глаза его, прекрасные и свѣтлые, ясно и безъ малѣйшей туманности глядѣли на меня такимъ взглядомъ, какимъ обыкновенно уже не смотрятъ глаза престарѣлыхъ людей.

— А вотъ, видите-ли, былъ отвѣтъ,—сдѣлалось это не по неосторожности, и не отъ болѣзни, и не по моей винѣ, а здѣсь виденъ перстъ Провидѣнія; случилось это года три тому назадъ, весной, на кладбищѣ. Есть тамъ мѣстечко, гдѣ я люблю сидѣть, какъ разъ въ кружкѣ своихъ; они хотя и не слышатъ, когда я съ ними говорю, но сердцу моему все-таки какъ-то легче и отраднѣй. Сидѣлъ я тамъ однажды въ чудный, ясный день и смотрѣлъ, какъ бабочки вьются надъ молодой зеленью; сердце мое вдругъ заныло и сжалось. Всякія-то насѣкомыя оживаютъ, думалось мнѣ, только покойники одни гніютъ въ своихъ могилахъ. Да, сердце мое жаловалось, но не роптало и вы не думайте, что слѣпота ниспослана мнѣ въ наказаніе. Скорбно жаловался я, но вотъ явились слезы, дорогія, утѣшительныя слезы; ахъ, баринъ! слезы—это такое благодѣяніе; а я передъ тѣмъ очень долго не могъ плакать, а ужъ въ этотъ-то день наплакался я вволю. И вотъ, пока слезы текли у меня потокомъ и сердце трепетало, что-то вдругъ пронизало все мое существо, всего одинъ разъ, но съ головы до пятокъ и съ такой неотразимой, всесокрушающей силой, точно молнія прожгла меня. Члены онѣмѣли и въ глазахъ сдѣлалась ночь. Параличъ прошелъ, а ночь въ глазахъ такъ и осталась. Но что за бѣда? Внутренній свѣтъ свѣтитъ мнѣ ясно и утѣшительно.

Онъ замолчалъ.

— Должно быть, съ вами былъ первый ударъ, сказалъ я, размышляя.

Старецъ покачалъ головой.

— Что-то подобное и лѣкарь говорилъ мнѣ; но нѣтъ—то была Божья рука. А вы развѣ лѣкарь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, по немного понимаю. Можетъ случится, что къ вамъ мало-по-малу вернется зрѣніе.

— Не думаю, возразилъ старикъ, — не надѣюсь, да признаться и не желаю. Какая бы мнѣ была отъ того польза? Теперь мнѣ уже не на что смотрѣть на бѣломъ свѣтѣ, а если бы и было на что, то опять пришлось бы дрожать изъ опасенія вновь потерять дорогое. На землѣ только за то не боишься, за то не трепещешь, что уже разъ потеряно. Ну, да хранитъ васъ всѣхъ Господь! Онъ кивнулъ намъ головой и, ощупывая порогъ своимъ длиннымъ посохомъ, медленно побрелъ изъ горницы.

Я окончилъ свои дѣла съ лавочникомъ, но на этотъ разъ молча и безъ ропота. И даже на его вопросъ, какъ понравился мнѣ дровосѣкъ, отвѣтъ мой былъ односложенъ. Тѣмъ не менѣе развитой лавочникъ сказалъ снисходительно: «странное дѣло, Эбенгизель такой необразованный человѣкъ, а между тѣмъ наши лѣтніе посѣтители всѣ охотно вступаютъ съ нимъ въ разсужденія. Въ прошломъ году здѣсь былъ одинъ блѣднолицый, молодой священникъ изъ Вѣны, профессоръ гимназіи, который ни съ кѣмъ ни слова не говорилъ, а съ этимъ старикомъ бесѣдовалъ онъ по цѣлымъ часамъ, къ Рождеству прислалъ ему цѣлый коробъ разныхъ гостинцевъ и при немъ записку: «не благодарите меня, все же я останусь вашимъ вѣчнымъ должникомъ,—въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собой пришелъ я въ вашу деревеньку, и вы умиротворили меня и успокоили». Да, я самъ читалъ это письмо, а также и патеръ. Его преподобіе былъ однако очень этимъ недоволенъ и выразился такъ: «если профессоръ, братъ мой во Христѣ, находился въ состояніи внутренняго боренія—то онъ долженъ бы былъ обратиться ко мнѣ, а никакъ не къ Эбенгизелю. И, прибавилъ патеръ, если этотъ старикъ не былъ бы такъ благочестивъ, можно бы подумать, что онъ просто безбожникъ!» Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что Эбенгизель испыталъ такъ много горя, какъ ни одинъ человѣкъ на всемъ аттерскомъ озерѣ. Напрасно вы его не заставили разсказать вамъ его исторію, она очень интересна. Какъ я подумаю о ней—я всегда творю молитву и говорю: «благодарю тебя, Господи, за то, что ты меня любишь». Потому что Господь въ самомъ дѣлѣ очень...»

Но меня мало интересовало то обстоятельство, почему унтерахскій лавочникъ Миттендорферъ былъ такъ увѣренъ въ томъ, что Богъ его любитъ. И еще менѣе привлекательна казалась мнѣ мысль услыхать исторію несчастнаго старца изъ устъ столь развитого человѣка. Я холодно ему поклонился, повернулся къ двери и вышелъ на улицу. Тамъ я снова увидалъ согбенную фигуру Эбенгизеля; онъ только что повернулъ къ тѣмъ воротамъ, отъ которыхъ съ площади шла дорога на-право, къ кладбищу. Признаюсь, я нѣсколько минутъ стоялъ въ нерѣшительности и боролся съ своимъ любопытствомъ, не пойдти-ли за нимъ? Наконецъ, болѣе достойное чувство восторжествовало въ моемъ сердцѣ и я потихоньку побрелъ своей дорогой. Исторію же его я узналъ, нѣсколько дней спустя, не распрашивая о ней. Не нахожу я, чтобъ она была особенно интересна, не смотря на увѣренія лавочника. Сила, господствующая надъ всѣми нами, иногда направляетъ ударъ за ударомъ въ бѣдное, истерзанное, истекающее кровью человѣческое сердце, это можетъ возбудить только ужасъ и состраданіе. То, что стряслось надъ этимъ горемыкой, можетъ быть, уже и случалось на землѣ, хотя и не часто, но какимъ образомъ онъ переносилъ и какъ претерпѣвалъ свое горе—вотъ что казалось мнѣ достойнымъ передать тебѣ, читатель, кто бы ты ни былъ, счастливый или несчастный, христіанинъ или невѣрующій. Духовная жизнь старца, которая проявилась въ странномъ, своеобразномъ критическомъ взглядѣ его на книгу Іова, только тогда является рельефно, когда узнаешь, что онъ пережилъ. Оттого только я разсказываю его исторію. Я попробую говорить, на сколько возможно, его собственными словами.

Нѣсколько дней спустя послѣ нашей первой встрѣчи, утромъ, въ мрачную погоду, мнѣ опять пришлось идти въ лавочку; я видѣлъ, что проводили глубокій отводный каналъ, начиная отъ этого дома по улицѣ, перекапывая дорогу, ведущую къ церкви. Уходя изъ лавки, я увидалъ слѣпого, идущаго прямо по направленію ко рву, ничего не подозрѣвая. Я окликнулъ его и предупредилъ. Онъ остановился и меня тронуло безпомощное выраженіе его лица и грустный взглядъ его свѣтлыхъ, но лишенныхъ свѣта очей. Я спросилъ, нельзя-ли мнѣ ему помочь и подошелъ къ нему.

— Ахъ, это вы, баринъ. Онъ узналъ меня по голосу.—Вотъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать теперь. Хотѣлъ было сегодня идти къ своимъ по своей обычной дорогѣ, но ее перерыли. Есть и другая дорога внизъ по улицѣ, а потомъ черезъ садъ мясника, да боюсь, не твердо я ее знаю; ни разу не ходилъ по ней съ тѣхъ поръ, какъ ослѣпъ.

Для меня было совершенно безразлично, въ какомъ мѣстѣ начадитъ моя мокрая сигара,—слѣдовательно съ моей стороны не было ни малѣйшей жертвы предложить старику проводить его. Дорогой онъ разсказалъ мнѣ, что настоящее имя его Матвѣй Пелцлейтнеръ; потерявъ родителей, братьевъ и сестеръ, онъ съ 13-ти лѣтъ сталъ зарабатывать пропитаніе въ казенныхъ лѣсахъ, сначала мальчишкой на побѣгушкахъ у дровосѣковъ, а потомъ и самъ возвысился до званія дровосѣка.

Въ послѣднее же время, прибавилъ онъ съ гордостью,—я даже былъ смотрителемъ и императоръ выдаетъ мнѣ за это пенсію въ 3 гульдена ежемѣсячно.

На мой вопросъ, достаетъ-ли ему этихъ денегъ, онъ отвѣтилъ, улыбаясь, что живетъ «очень удобно, хотя, къ сожалѣнію, на хлѣбахъ у чужихъ людей; вотъ только иногда не хватаетъ на заупокойныя обѣдни, но за это на меня не сердится даже господинъ патеръ, а Господь Богъ тотъ еще милосерднѣй».

Тутъ мы подошли къ воротамъ кладбища и я намѣревался съ нимъ проститься, но онъ крѣпко удерживалъ меня за руку и просилъ пройдти съ нимъ еще нѣсколько шаговъ.

— Я хочу вамъ показать своихъ.

Онъ пошелъ впередъ, здѣсь онъ зналъ каждый камушекъ и почти не прибѣгалъ къ своему посоху; онъ объяснялъ мнѣ, кто именно покоится въ какой могилѣ и всякій разъ кивалъ покойнику. Проходили мы мимо могилы содержателя гостинницы: «тутъ вотъ Лойдъ лежитъ; хорошій былъ человѣкъ, сострадательный. Эй, Лойдъ! небось каждый кусокъ, что ты давалъ бѣднымъ, радуетъ тебя теперь!» Потомъ онъ указалъ мнѣ на нѣсколько ввалившихся могилъ, около самой ограды и сказалъ: «вотъ и мои». Я наклонился къ полусгнившимъ крестамъ, но жестяныя дощечки, на которыхъ стояли имена покойниковъ и, вѣроятно, какое нибудь набожное изрѣченіе, были такъ заржавлены, что едва можно было кое гдѣ разобрать отдѣльныя буквы. Слѣпой догадался о моей попыткѣ прочесть.

— Нѣтъ, прочесть уже ихъ нельзя; я и такъ могу сказать вамъ, кто здѣсь почиваетъ. А тому, кто будетъ выкликать имена усопшихъ, не нужно читать по табличкамъ. Онъ усѣлся на камень между могилами.

— Смотрите, вотъ на-право покоится моя Катерина; добрая была женщина, вѣрная жена, все мы съ ней вмѣстѣ перенесли до самаго конца. Посватался я къ ней лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ за красоту ея, но красота скоро увяла, ранѣе, нежели мы женились; она была такъ же бѣдна, какъ и я, и ей приходилось справлять тяжелую работу, такъ что намъ обоимъ было далеко за тридцать, когда мы могли подумать обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Но Божье благословеніе было надъ нами; хозяйство наше разрослось; мы даже пріобрѣли собственный домикъ, вонъ тамъ стоялъ онъ, на томъ берегу, рядомъ съ «холоднымъ колодцемъ» и четверо цвѣтущихъ дѣтей выросли у насъ на глазахъ. Вотъ они всѣ тутъ, смотрите: Гансъ, Афра, Павелъ и Францель. И при каждомъ имени онъ посохомъ своимъ указывалъ на одну изъ окружающихъ его могилъ. У меня сердце болѣзненно сжалось, глядя на него, а онъ улыбался тихо, кротко, даже радостно, точно будто всѣ четверо стояли передъ нимъ въ полномъ развитіи молодой силы.

— Долго продолжалось наше счастіе, цѣлыхъ двадцать лѣтъ. А потомъ и застигло горе. Однажды, вечеромъ, въ субботу шелъ я изъ шерфлинговской рощи домой, на воскресенье; вдругъ встрѣчаю на ахскомъ мосту, какъ разъ на полпути между озеромъ и Унтерахомъ, нѣсколько человѣкъ съ носилками. Я не обратилъ было на нихъ вниманія, иду мимо быстрымъ шагомъ, но вотъ меня окликаютъ: «Эбенгизель, мы несемъ тебѣ твоего Ганса». И поставили они его передо мной, мертваго, съ размозженой грудью; онъ тоже дровосѣкомъ былъ, товарищи его забыли поставить значекъ, когда подрубили елку, бѣдный мой малый подошелъ, а елка упала и убила его. Не изъ тучи грянулъ громъ, это былъ первый клокъ, вырванный изъ моего тѣла; оттого я тогда долго бился на мосту и громко вопилъ: «чѣмъ-же заслужилъ я это, о Боже?» И при второмъ горѣ я спрашивалъ тоже самое, но ужъ тише и смиреннѣе. Второе—было, что Павелъ ушелъ въ Валахію и пуля попала ему въ грудь въ сраженіи при Маджентѣ.

Онъ вернулся домой больной, чтобъ умереть дома. Закрывая ему глаза, я ужъ говорилъ: «пути твоя неисповѣдимы, о Господи! но благодарю тебя за то, что онъ умеръ здѣсь и что онъ будетъ около насъ, когда мы сами ляжемъ на покой». При третьемъ несчастіи я уже ничего не спрашивалъ, только, молча, склонилъ голову. Видите ли, наша Афра была сильная, здоровая дѣвка, добрая, гордая. Когда ей минуло 17-ть лѣтъ—самъ придворный экономъ къ ней посватался. Богатый былъ, уважаемый человѣкъ, но она о немъ и слышать не хотѣла, потому что онъ былъ вдовъ; но и тѣмъ, которые были моложе его, она ни разу даже не улыбнулась ласково въ благодарность за ихъ сватовство. «Афра, говаривалъ я ей: ты бѣдна: скучна и тяжела жизнь бѣдной, одинокой работницы».—Погоди, отецъ, отвѣчала бывало она,—еще придетъ и настоящій.—Ну вотъ и пришелъ одинъ, да только не настоящій,—охотникъ изъ Мондзеа, красавецъ, но дрянной, беспутный человѣкъ. Одурачилъ онъ бѣдную дѣвку, да и сталъ просить о переводѣ въ зальцбургскій лѣсъ, чтобы избѣгнуть женитьбы. Мы съ Катериной ничего этого не знали до тѣхъ поръ, пока дѣвка сама не пришла къ намъ, блѣдная, какъ смерть, и не сказала: «слушайте, опозорилъ меня охотникъ и не хочетъ покрыть грѣха, черезъ четыре мѣсяца наступитъ мой трудный часъ, но васъ я не доведу до срама».—«Что ты хочешь сдѣлать?» убивалась мать, а дочь спокойно отвѣтила: «Я пойду въ озеро». Тутъ стали мы ее умолять, чтобъ она не брала тяжкаго грѣха на бѣдную душу свою; грѣха не только относительно себя, но и противъ невинной молодой жизни,—и она намъ обѣщала не налагать на себя руки. Сдержала-ли она слово или нѣтъ—Всевышній одинъ знаетъ! Черезъ недѣлю она сказала: «отецъ, здѣсь я не могу оставаться, я умерла бы отъ стыда. За дворцовымъ валомъ на Лассеральмѣ живетъ моя лучшая пріятельница, Штернбауерврони, къ ней-то я и пойду ожидать своей развязки». И она ушла, только не дошла до Лассеральма. Черезъ три дня мы нашли ее до смерти разбитою въ дворцовомъ рву. Сама-ли она туда кинулась или оступилась на узкой тропинкѣ, кто ее знаетъ?! Похоронили ее со всѣми почестями, подобающими дѣвицѣ и насъ стояло только трое у ея могилы, которые знали, что она была не достойна дѣвичьяго почета: я, жена да Францель. Францель пришелъ на похороны изъ Фёлабрука, гдѣ онъ учился у оружейнаго мастера и его только что сдѣлали подмастерьемъ. Я его отдалъ туда, потому что онъ былъ такой умный, проворный малый и при томъ такой слабенькій, тоненькій; въ дровосѣки или сплавщики онъ бы не годился. Онъ и Афра были всегда такъ дружны, такъ любили другъ друга, что просто на рѣдкость. Оттого-то я не удивлялся, что Францель на похоронахъ былъ растерянный, блѣдный, какъ смерть, и будто окаменѣлый отъ горя; потомъ онъ простился съ нами и сказалъ, что ему нужно въ тотъ-же день вернуться къ хозяину,—потому что работы много. Я укрѣплялъ его въ этой мысли и говорилъ: «работай да молись за бѣдную ея душу, я и самъ буду также поступать, тогда легче переносится скорбь». Черезъ недѣлю встрѣчаю я почтмейстера, онъ и говоритъ мнѣ: «я только что вернулся изъ Фёлабрука; вамъ велѣлъ кланяться оружейный мастеръ и спросить: куда-же это Францель дѣвался? Я до смерти испугался отъ этого извѣстія и первая мысль была:—вѣрно, онъ пошелъ къ охотнику отомстить за сестру. Такъ и было, Францель подкараулилъ охотника и застрѣлилъ его, потомъ самъ о себѣ заявилъ суду. Черезъ мѣсяцъ его присудили въ Зальцбургѣ къ смертной казни. Но императоръ помиловалъ его; его только посадили въ смирительный домъ; смягчающимъ вину обстоятельствомъ сочли, что онъ мстилъ за позоръ сестры. Видите ли, это было четвертое горе.

— И послѣднее! воскликнулъ я, облегченный. Во время его разсказа какая-то тяжесть сдавила мнѣ грудь. Страстныя жалобы, горькія слезы и раздирающія стенанія не могли бы потрясти меня такъ глубоко, какъ его кроткій, спокойный тонъ. Онъ разсказывалъ будто о чемъ-то чужомъ, далекомъ, а никакъ не о страшномъ несчастіи собственной жизни. Вотъ это-то и дѣлало его разсказъ вдвойнѣ ужаснымъ.

— Послѣднее? повторилъ старикъ.—Нѣтъ еще не послѣднее: черезъ 12 лѣтъ къ намъ вернулся нашъ Францель, но ни въ лицѣ, ни въ сердцѣ, не было ни единой черты моего прежняго, любимаго мальчика. Смирительный домъ развратилъ его до мозга костей; онъ сталъ лѣнивъ духомъ и гнилъ тѣломъ; однако, еще 2 года прожилъ онъ. Достаточно долгое время для того, чтобы свести свою мать въ могилу и такъ обременить домишко мой долгами, что пришлось его продавать. И вотъ такъ то не былъ я избавленъ и отъ самаго худшаго; да, самое худшее, самое тяжелое, что сердцу приходится испытать—это мысль: лучше бы было, если бы умеръ твой ребенокъ, нежели грязнить ему землю своимъ существованіемъ. Вотъ это-то и было послѣднее. Свою слѣпоту я не считаю, для меня она уже почти что не была скорбью. А теперь мнѣ хорошо, мнѣ осталось потерять только свою жизнь, а когда она будетъ взята—я получу взамѣнъ вѣчное блаженство. Господь милосердъ, онъ всегда желалъ мнѣ добра и пойметъ, что скоро и пора будетъ отозвать меня къ себѣ.

Вотъ все, что я имѣлъ сообщить о взглядахъ и судьбѣ Іова изъ Унтераха Но на душѣ лежитъ у меня сказать еще слово, прежде нежели окончу. Я разсказалъ это, чтобы искать отвѣта на одинъ вѣчный, мучительный вопросъ. Что Эбенгизель далъ отвѣтъ, древній, какъ міръ,—до меня не касается. Онъ вновь нашелъ его, при томъ подъ болѣе тяжелымъ гнетомъ, нежели большинство людей и мнѣ казалось достойнымъ вниманія сообщить его на послушаніе міру. Но пусть не думаютъ, что я считаю его отвѣтъ за единственно возможный, о нѣтъ! Это отвѣтъ милліонамъ, но все-же не всѣмъ. Такого отвѣта для всѣхъ еще не найдено и никогда не найдется. Вѣченъ вопросъ, вѣченъ и трудъ разыскать его разрѣшеніе; и то, и другое будетъ существовать, пока люди живутъ на свѣтѣ. Станемъ же и мы разыскивать серіозно и терпѣливо. Можетъ быть, счастливѣйшимъ окажется тотъ человѣкъ, который признаетъ за свой—отвѣтъ данный несчастнымъ, достойнымъ сожалѣнія старцемъ. Кто этого не можетъ, пусть смиритъ свое сердце и вмѣстѣ со мной повторитъ прекрасныя, благородныя слова поэта: «Скажи, что еще возможно смертному? Да будетъ дозволено и мнѣ, по мѣрѣ силъ моихъ и насколько я считаю своимъ долгомъ, послужить тѣмъ богамъ и тѣмъ вѣрованіямъ, къ которымъ стремится мое сердце».

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

XVII.

Мордва.

Разсѣянное по губерніямъ нижегородской пензенской, тамбовской, казанской, симбирской, мордовское племя составляетъ почти 1,000,000 и раздѣляется на Мокшу и Эрзю. Большинство мордвы уже совершенно обрусѣло и въ настоящее время трудно найдти чистыхъ, не

подвергшихся руссификаціи представителей этого племени, какъ расказываетъ объ этомъ новѣйшій изслѣдователь мордовскаго быта, г. Майновъ: «Къ снохачамъ ѣдете!» говорили мнѣ, когда я покидалъ нижегородскій уѣздъ. «Вотъ теперь уже самая настоящая мордва будетъ», прибавляли всѣ, когда я отправлялся далѣе.

«Пріѣдешь, однако, къ тѣмъ, кого называли настоящею мордвою и окажется, что мордва эта и обрусѣлая-то, и не настоящая».

«Такъ проѣхалъ я всю нижегородчину, ардатовскій уѣздъ симбирской губерніи и темниковскій, шацкій и спасскій уѣзды тамбовской губерніи, а мнѣ все говорили: «вотъ теперь уже настоящую мордву увидите».

«Видать-то—видалъ я и костюмъ иной, и шлычки на головахъ какія-то красивыя, и лица будто не тѣ, что попадались прежде, но именно въ физіономическомъ отношеніи новаго представлялось мало: тоже лицо, что принято у насъ называть великорусскимъ, тотъ же складъ, тотъ же обликъ, та же походка и повадка, что у мужика, то и у бабы, только будто боязливость какая-то видна, да отсутствіе энергіи.

«Пробовалъ на разспросы идти, наводить на сообщеніе интересныхъ древнерелигіозныхъ и бытовыхъ подробностей, да нѣтъ, все не выгорало мое дѣло, такъ какъ всѣ увѣряли, что они «руссины», а что «ясачные» дальше».

«И вотъ ѣхалъ я дальше и дальше и «ясачные», по увѣренію только что изслѣдованныхъ, сами заявлялись «руссинами», а если и говорили, что они мордва, то присылали говорить со мною по мордовски только старыхъ старухъ, такъ какъ у нихъ «даже и у стариковъ старыхъ вся эта мордва вышла».

«Кое-гдѣ попадется старуха, которая, когда почитаешь ей по эрзянски, задумается, всполыхнется и припомнитъ что-то, что она выдаетъ за молитву, но въ чемъ не доберешься никакого смысла, такъ какъ вспоминались ей только собственныя имена, а моленія и прошенія позабыла. Кое-гдѣ укажутъ, бывало, на кое-какую разницу въ бытѣ съ окрестными русскими насельниками и непремѣнно оговорятся при этомъ, что это, дескать, такъ давно было, а теперь у нихъ все «по кресьянскому» На Пьянѣ-рѣкѣ, по Алатырю въ симбирщинѣ, да еще кое-гдѣ въ тамбовщинѣ замѣчалось еще своеобразное и тутъ уже не говорили о своемъ исконномъ «руссинствѣ» и «кресьянствѣ». Тутъ народъ беззазорно заявлялся мордвою и съ покачиваньемъ головы говорилъ о томъ, что все теперь забывается, все оставляется... къ великой бѣдѣ. И хлѣба-то стали похуже,

ДРАМЫ ВЪ ВОЗДУХѢ.

Замбелари былъ охваченъ пламенемъ... (См. № 42, стр. 327.)

Рѣзалъ на деревѣ **А. Шлиперъ.**

и народъ-то нынче слабъ сталъ и воровать,—и все клонится къ упадку, а причину всему этому неизмѣнно видѣли, кромѣ разныхъ экономическихъ условій, еще и въ томъ, что совсѣмъ люди отъ стараго отступились, а «прежде вотъ помолятъ—и родится все». Кое-гдѣ попадались и такія села, что русскій языкъ почти не былъ вовсе знакомъ женской половинѣ населенія и ничто еще не замѣнило частности древне мордовскаго туалета. Даже встрѣчалось по пути и такое явленіе, что русскіе, помолившись о дождѣ у окрестныхъ поповъ и не получивъ просимаго, ходили къ мордовкамъ помолить Мастыръ-Пазу. «Такъ-то образамъ-то помолишь, а нѣтъ тебѣ милости, а какъ помолишь по мордовски—оно дѣло-то и ладнѣе выходитъ. Все одинъ Богъ-то, а только молятъ-то онѣ ему не въ примѣръ лучше». Кое-кто прибавлялъ: «опять и то разсудить надо, что онъ къ тому и приставленъ»...

«Какъ бы то ни было, а чистой, непочатой мордвы, по однимъ «ясачной», а по другимъ «спохачей» все никакъ видать не удавалось. По мѣстамъ только, какъ, напр., въ темниковскомъ уѣздѣ, можно еще наблюдать чистую мордву, съ ея древними вѣрованіями и обычаями. Здѣсь все еще вѣруютъ въ великое божество, Шкая, солнечнаго бога. «Разъ, говорятъ, напр., здѣсь въ шкаевъ день баба разсаду сѣяла; только вдругъ ее всю туманомъ обвило, а въ туманѣ въ родѣ какъ колыбель качается; сѣла она въ колыбель, а во рту у нея цюкора кусочекъ былъ, закусывать она начала. Поднялась колыбель и понесло ее вверхъ; что дальше она вверхъ поднимается, то цюкоръ во рту у нея раздувается; щеки лопнуть хотятъ и отъ жары ей не втерпежъ стало; что выше, то жарче становится; глядь,—а изъ солнышка самъ Шкай глядитъ. «Вотъ какъ все отъ меня ростетъ, женщина. Такъ какъ же мой день не почитать. Поди и разскажи обо всемъ людямъ, а чтобы тебѣ повѣрили,—вотъ тебѣ на лобъ свѣтлая печать (красное пятно отъ солнечнаго удара называется шкаевой печатью). Съ тѣхъ поръ не работаютъ по пятницамъ, по шкаевымъ днямъ». Здѣсь сохраняются и преданія о первыхъ столкновеніяхъ мордвы съ русскими. «На Сурѣ-рѣкѣ, на берегу ея, на вершинѣ горы жилъ былъ мокшанскій бѣлый царь по имени Тюштянъ, разсказывали мнѣ въ краснослободскомъ уѣздѣ. — Имѣлъ онъ деревянный дворецъ въ пять этажей. Былъ день его рожденія днемъ праздничнымъ; собралъ онъ бояръ своихъ, собралъ весь народъ и началъ поить всѣхъ. Сталъ народъ хвалить его и за здоровье его приносить жертвы (молить): «Пошли ему, Великій Шкай, доброе здоровье: онъ вѣдь 10 алтынъ серебра въ годъ съ насъ беретъ, въ 7 лѣтъ разъ солдатчину съ насъ сбираетъ! Мы теперь живемъ очень хорошо». У мокшанскаго царя есть въ саду дерево—высокій дубъ, а на верхушкѣ дуба сдѣлана борть, а въ борти сидитъ пчелиная матка; шопоткомъ шепчетъ, говоркомъ говоритъ: «Хорошъ ты со всѣмъ народомъ, а ничего не знаешь!»—«А что же мнѣ, матка, знать?»—«На тебя поднимается московскій царь, по имени очень грозный Иванъ Васильевичъ. Скоро въ гости къ тебѣ придетъ, тебѣ голову отрубитъ». Сталъ тутъ мокшанскій царь плакать передъ боярами, сталъ онъ тутъ просить своихъ солдатушекъ: «Скоро, скоро собирайся, народъ мокшанскій! ѣдетъ московскій царь, грозный Иванъ Васильевичъ, и меня убьетъ». Проворно собралъ бояръ и народъ, а дворецъ мокшанскій царь въ пустѣ оставилъ. Самъ онъ впередъ ушелъ съ боярами, а народъ остался; солдатъ всѣхъ забралъ съ собою, а народа съ малыми ребятами не могъ взять съ собою всѣхъ, которые вдали (по сторонамъ) жили и остались они тамъ, гдѣ жили; всѣхъ съ собою забрать не могъ, а который народъ съ нимъ пошелъ, тотъ перешелъ черезъ Волгу у Бѣлаго Очага (акшаравынь томбали) и сдѣлалъ черезъ Волгу мостъ изъ срубленныхъ сухихъ жердей. Прошелъ онъ черезъ пес, наклавши жердяной мостъ. Пришелъ въ западную сторону, а въ западной сторонѣ нашелъ во владимірской губерніи царицу. Пришелъ онъ туда и сказался царицѣ, а та приказала ему мимо дворца идти. Прошелъ онъ мимо дворца, а она и выстрѣлила мокшанскому царю стрѣлою въ правую руку. И заплакалъ тутъ мокшанскій царь: «Великій Шкай Кормилецъ! былъ я все хорошъ, да бѣда нынче застигла меня, царица меня обидѣла!» И говоритъ онъ своимъ боярамъ: «Подайте вы мнѣ стрѣлу вѣсомъ въ семь пудовъ, дайте мнѣ въ руку мой русскій лукъ!» Дали ему тутъ въ руки его русскій лукъ и стрѣлу вѣсомъ въ семь пудовъ. Припагнулся тутъ мокшанскій царь на правое колѣно, стрѣльнулъ онъ въ уголъ дворца той царицы, что его обидѣла, и свалился дворецъ ея на бокъ. Видитъ царица, что дворецъ ея падаетъ, испугалась она, бросилась она внизъ на камень съ самаго верху и убилась до смерти. Все войско царицы устрашилось и пришло распрашивать мокшанскаго царя съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ: «Скажи намъ—изъ какой страны ты пришелъ? или ты богатырь, или ты царь, или ты пришелъ жить въ нашу землю? Убилъ ты нашу царицу и остались мы безъ начальника (великаго). Мы тебя желаемъ, будь царемъ въ нашей землѣ и мы тебя лишь будемъ слушать». И началъ съ ними говорить Тюштянъ, царь мокшанскій: «Я человѣкъ добрый и въ вашей землѣ царемъ быть не желаю: у меня и своего народа много. А хочу я вашей помощи (руки) въ томъ, чтобы привели вы меня въ ту землю, гдѣ жителей нѣтъ». И стали говорить ему бояре: «Тебя проведемъ мы въ восточную сторону, тамъ есть царь по имени Китай».—«А каковъ онъ царь?»—«Добрый царь. По пространству земля его велика и очень много въ ней приволья».—И сталъ онъ говорить боярамъ: «Пойдемте! поведите меня къ тому царю, поведите меня предъ того царя, которому имя Китай. Я ни о чемъ другомъ васъ не прошу». Эти бояре взяли его съ собою, повели его ко дворцу. Какъ взошелъ, Китай царю далъ на золотомъ блюдѣ много-много казны; положилъ царь мокшанскій на столъ блюдо царю Китаю, поклонился царю Китаю въ ноги и началъ плакать: «Будь ты добръ, Китай царь! пришелъ я къ тебѣ и поклонился тебѣ головою! прими меня въ свою землю, гдѣ есть вольныя мѣста, прими меня съ народомъ!» Китай сталъ съ нимъ разговаривать: «Что ты за человѣкъ?»—«Я добрый человѣкъ—царь мокшанскій».—«А въ какой ты странѣ жилъ?» «По рѣкѣ по Сурѣ, на вершинѣ старой горы; а горѣ той прозвище Конарцъ».—Китай говоритъ ему: «А если ты добрый царь, то зачѣмъ же пришелъ ты ко мнѣ?»—«Я пришелъ къ тебѣ со слезами на глазахъ: на Москвѣ выступилъ на престолъ царь именемъ Грозный Иванъ Васильевичъ». Взялъ Китай царь его за правую руку и три раза поцѣловалъ. Призвалъ своихъ бояръ. «Этого обиженнаго мокшанскаго царя поведите въ доброе мѣсто со всѣмъ его народомъ и укажите привольныя мѣста». И повели его въ южную часть Китая, по ту сторону моря въ прибрежную страну». — «Былъ у мордвы свой богъ и молили ему кошкою или котомъ черныммъ, а начнутъ ласкать кота — такъ изъ него огонь и выходитъ. Да и теперь еще огонь изъ кота видѣнъ, коли ласкать его въ темной горницѣ, чтобы люди того не видали. Какъ стали напирать русскіе, то призвала мордва своего бога, чтобы спасъ онъ людей своихъ отъ врага и супостата. Но русскіе знали, чѣмъ доканать мордву. Стояли оба войска на рѣкѣ; изъ мордовскаго войска вышла моленая кошка и стала обходить войско, а позади нея шли моленые старцы. Вдругъ откуда ни возмись изъ русскаго войска вышелъ звѣрь невѣдомый (никогда на мордвѣ его не бывало, никогда мордва его не видала), бросился на кошку и разорвалъ ее въ клочья. Увидалъ тутъ богъ мордовскій, что пришелъ ему конецъ и хотѣлъ умереть, побивши побольше русскихъ. Русскіе же видѣли, какъ испугалась мордва, когда звѣрь разорвалъ кошку, и повѣсили себѣ на плечи шкуры того звѣря. Какъ увидала мордва эти шкуры, такъ дрогнула и побѣжала. Много тогда побито было мордвы, да и до сихъ поръ оврагъ тотъ называется «Песье Побоище». А богъ мордовскій, оставшись одинъ въ живыхъ, снова ушелъ къ отцу и матери».

Мордва живетъ главнымъ образомъ земледѣліемъ, лѣсными промыслами и пчеловодствомъ, которое даже въ религіи ея занимаетъ первое мѣсто. Весь міръ раздѣляется на три пчельника. Свѣтлый пчельникъ—небо, въ которомъ подъ управленіемъ шкаева сына, Веленъ-Паза, живутъ небесныя пчелы, — звѣзды; бѣлый пчельникъ состоитъ изъ людей, управляемыхъ великимъ пчеловодомъ Нешкэпазомъ, онъ же и богъ пчеловодства; наконецъ, темный пчельникъ—міръ умершихъ, находится подъ землей и управляется богомъ земли. Изъ мордовскихъ обрядовъ особеннаго вниманія заслуживаютъ погребальные. Вотъ, напр., что расказываетъ упомянутый наблюдатель: «На всѣхъ окнахъ, а также и вправо отъ порога входной въ избу двери, стояли чашки съ водою, было бы гдѣ умершему 40 дней тому назадъ дядѣ хозяина омыться, когда онъ придетъ въ свое старое жилище; ясно, такимъ образомъ, что мордва мокша полагаетъ, что покойникъ не тотчасъ же отправляется въ обитель Мастырпаза—великаго пчелища темнаго подземнаго пчельника, а пребываетъ 40 дней еще на землѣ; что дѣлаетъ покойникъ въ это время—не извѣстно, и только въ кузнецкомъ уѣздѣ, саратовской губерніи, одна женщина сообщила мнѣ, что «душа въ это время ходитъ, прощается со свѣтомъ и мучается за свои дурныя дѣла». Дыра, находящаяся надъ челомъ печки, была отворена настежъ, дабы покойникъ, если ему не заблагоразсудится войдти въ избу черезъ двери со всѣми домашними, нашелъ другой входъ, хотя и потѣснѣе, да за то такой, гдѣ его, входящаго, никто не замѣтитъ. Изба была выметена на-чисто и даже лавки всѣ и мебель были вымыты и выскоблены стекломъ. У окна передъ столомъ на лавкѣ разстелили чистое полотенце, а на столѣ лежала чистая скатерть, на которой разложены были штукъ 7—8 ложекъ; когда семейскимъ приходилось проходить мимо стола и именно у той его части, которая ближе приходилась къ окну, всякій почему-то кланялся по направленію къ этому мѣсту въ окошко. Если кому-нибудь попадется соринка, онъ непремѣнно унесетъ ее куда-нибудь на дворъ, да притомъ такъ еще, чтобы она какъ-нибудь не попалась на глаза покойнику, который долженъ посѣтить свое былое жилище. «Аляй сан, минсгъ сяланъ!» т. е. придетъ старый—забранитъ насъ! говорятъ они, стараясь привести горницу въ такой видъ, чтобы все въ ней было въ порядкѣ.

Хозяйка между тѣмъ сварила и настряпала всякой ѣды, а хозяинъ съ сыновьями досталъ откуда-то разнаго тряпья и подошелъ къ столу. Съ помощью сыновей, онъ устроилъ изъ тряпья какую-то куклу, которую потомъ и запихнулъ въ принесенную имъ шубу; руки куклы были сложены на груди и притомъ какъ разъ такимъ образомъ, чтобы они приходились напротивъ пазухи; за пазуху и въ руки втиснули 10 к., свѣчу церковную, которую, однако, не зажгли. Затѣмъ, всѣ, строившіе куклу, поклонились ей и вышли изъ избы. Ясное дѣло, что я заинтересовался тѣмъ, что видѣлъ, и потому спросилъ у старухи, могу-ли сопровождать ушедшихъ. «Почестасье» (ты его почтишь этимъ), отвѣчали мнѣ и, конеч-

но, я поспѣшилъ воспользоваться такимъ отношеніемъ къ моему любопытству.

«Мы шли прямо къ церкви. Придя на кладбище, хозяинъ прямо подошелъ къ свѣжей еще могилѣ и поклонился ей до земли; затѣмъ, онъ подвелъ къ могилѣ своего старшаго сына, который, какъ оказалось, былъ чрезвычайно похожъ на умершаго; у молодого человѣка въ рукахъ была зажженая свѣча, которую онъ взялъ съ огнемъ изъ дому и берегъ ее отъ вѣтра, закрывая всячески рукою во время пути. Хозяинъ обратился между тѣмъ съ такими словами къ могилѣ: «Сайакъ пеньга юртазть, ульхтъ пеньга минъ мархта! аляй, кормилецъ! сайакъ! минъ аныклась тетъ сембэнь! йархтсакъ! симакъ! сэлде мирдындакъ!» Приди еще разъ въ твой домъ, побудь еще съ нами! батюшка кормилецъ! приди! мы наготовили тебѣ всего! ѣшь! пей! потомъ успокойся! Проговоривши эти слова, хозяинъ быстро подскочилъ ко мнѣ, схватилъ меня подъ руки и побѣжалъ по направленію къ селу и своей хатѣ; я, хотя и не понималъ ровно ничего, но тоже бѣжалъ безъ оглядки, а за нами бѣжали сыновья его и только тотъ, что похожъ былъ на покойника, остался при могилѣ, такъ какъ онъ, какъ оказалось впослѣдствіи, долженъ былъ въ этотъ день изображать собою покойника и для этой цѣли одѣтъ былъ весь цѣликомъ въ платье умершаго родственника; его призванный покойникъ тронуть не только не можетъ, но долженъ въ особенности любить и вселиться въ него, тогда какъ насъ онъ всенепремѣнно какъ-нибудь да постарался бы попортить, напуствивъ на насъ ту болѣзнь, отъ которой самъ умеръ.

«Прошло съ четверть часа времени и вся семья вышла на улицу, къ дому между тѣмъ подходилъ сынъ, изображавшій въ тотъ день своего умершаго дядю. Вся семья еще издали стала кланяться ему и встрѣчала его со всѣми внѣшними проявленіями радости; кто пожималъ руку пришедшему, кто цѣловалъ его въ плечо, а онъ всѣмъ кланялся и желалъ здоровья и счастья.

— А что дѣдушка Линдя подѣлываетъ? заинтересовалась одна изъ невѣстокъ.

— Ничего, живетъ по-маленьку, отвѣчалъ живой покойникъ, — только бранится, что ты все съ свекровью вздоришься; говоритъ: покорись старухѣ — она лучше знаетъ, что хорошо и что дурно!

Всякій подходилъ къ живому покойнику съ выраженіемъ радости при свиданіи, справлялся о давно умершихъ родныхъ, получалъ болѣе или менѣе подходящіе отвѣты и отходилъ, довольный тѣмъ, что узналъ про своихъ мертвецовъ. Скоро ко входу въ избу собрались сосѣди, а за ними пришелъ кое-кто изъ односельцевъ и всѣ осаждали живого покойника вопросами, на которые онъ отвѣчалъ, по своему соображенію, такъ или иначе. Не исполнить переданную при посредствѣ такого замѣстителя волю умершаго родственника считается у мокши невозможнымъ.

«Наконецъ, мы вошли въ избу; здѣсь хозяинъ встрѣтилъ своего сына съ громаднымъ короваемъ хлѣба въ рукахъ, поклонился ему въ поясъ и сказалъ: «Тонь Атяй! Атявысть, авасть! арсяда пара! примада одъ кулыть тенветь! И тонъ Степа арсякъ пàра, козефть ціоратнень! ламакфтыдь паршиснянъ!» т. е. «Ты батюшка! Отцы и матери! думайте (промышляйте) о добрѣ! примите новаго мертвеца къ вамъ. Да и ты Степанъ промышляй о добрѣ, обогати дѣтей твоихъ, умножь имѣнье ихъ». Три раза повторяетъ хозяинъ эту формулу, причемъ усиленно кланяется живому мертвецу и, наконецъ, съ трехъ ударовъ ножемъ вырѣзаетъ изъ ковриги пирамидальный кусокъ хлѣба, посыпаетъ его солью, прикрываетъ его кускомъ яичницы, поданнымъ ему его женою и подаетъ живому мертвецу со словами: «вотъ тебѣ священный кусъ — не грызи насъ, благослови насъ, думай о нашемъ добрѣ (я ули тетъ озондамъ палъ тонъ тямасьтъ поря, бласлова масть, пара тонъ арсямасьтъ). Изображающій покойника беретъ при этомъ озондамъ-палъ, съѣдаетъ его и входитъ, наконецъ, въ горницу. Не успѣли мы войдти, какъ намъ подали въ ковшѣ какой-то напитокъ, происхожденіе котораго я рѣшительно не зналъ и котораго я, въ силу этого, изъ подражанія другимъ, отвѣдалъ; оказалось, что это кровь, еще не успѣвшая даже хорошенько остыть, кровь зарѣзаннаго утромъ барана. Пока не знаешь, что это такое, — пить можно, но когда я могъ уже разобрать, что подаютъ на поминкахъ въ ковшахъ, то пить я уже не могъ и дѣлалъ только видъ, что пью, чтобы не обидѣть хозяевъ. Выпили всю кровь, дали попить и живому мертвецу для того, «чтобы онъ не забылъ своей крови», своей родни, — и стали усаживаться за столъ.

Замѣстителя сажаютъ именно на то мѣсто, гдѣ приготовлена была кукла, а свѣчу ставятъ напротивъ него на столъ къ солоницѣ. Пообѣдали мы своимъ порядкомъ, причемъ живой покойникъ давалъ всякому совѣты, что ему дѣлать, какъ жить и т. п. Вскорѣ послѣ обѣда живой покойникъ отправился по роднѣ и только къ вечеру вернулся и притомъ такъ урѣзавши «пурэ», что едва держался на ногахъ. Часу въ 9-мъ вечера всѣ мы отправились провожать дорогого гостя, у каждаго была въ рукахъ яичница, блины, ковши съ пурэ и т. п. Въ дверяхъ избы хозяинъ поднесъ живому мертвецу ярку, которую тотъ поласкалъ, погладилъ и пожелалъ семьѣ, чтобы ярки на будущій годъ принесли семьѣ по двойкѣ; хозяйка поднесла ему курицу, которой онъ сразу отвернулъ голову, помочилъ себѣ губы кровью и пожелалъ, чтобы какъ эта курица разорвалась на двое, такъ чтобы и каждая курица принесла на будущій годъ вдвое болѣе цыплятъ сравнительно съ нынѣшнимъ годомъ. Съ горящими свѣчами въ рукахъ провожали мы нашего живого покойника до самаго кладбища, придя куда, онъ легъ на могилу ничкомъ, хозяинъ покрылъ его съ ногъ до головы холстомъ и затѣмъ сдернулъ холстъ; живой мертвецъ, снова обратившійся въ сына хозяина дома, быстро вскочилъ на ноги, хозяйка продѣлала въ могилѣ ямочку, въ которую каждый изъ насъ наложилъ кусочковъ блиновъ, яичницы и налилъ пурэ, и поминки кончились, тѣло покойника, по мнѣнію мокши, ушло снова въ землю, а для того, чтобы душа его попала прямо въ царство Мастырозкса, хозяинъ прямо изъ холста принялъ ее весьма ловко на подложенный подъ холстъ блинъ, быстро свернулъ этотъ блинъ и положилъ туда же въ ямочку. Конечно, послѣ всего этого душа не могла уже болѣе остаться на землѣ, а должна была прямо попасть въ царство Мастырозкса, въ темный пчельникъ подземнаго пчелинца. Долго еще ѣли и пили мои хозяева на могилѣ, поминая усопшаго, прося его помощи въ семейныхъ дѣлахъ и въ домоводствѣ, но я не хотѣлъ мѣшать поминавшимъ своимъ присутствіемъ, тѣмъ болѣе, что языки развязывались и начиналась уже та безтолочь, которая не представляетъ ровно никакого интереса и можетъ возбудить только тяжелое чувство во всякомъ, кто наблюдаетъ пародъ».

Мордвинъ очень трудолюбивъ и чистоплотенъ. «Столъ, лавки и полъ, говоритъ путешественникъ, скоблятся ежедневно скребками, а стѣны каждую недѣлю моютъ, зачастую даже и съ мыломъ». Совершенно тоже привелось наблюдать и намъ, — и мы рѣшительно не можемъ понять, откуда могло появиться убѣжденіе въ нечистоплотности мордвы: очень легко можетъ быть, однако, что тѣ наблюдатели, которые утверждаютъ подобное, встрѣчались съ мордвою обрусѣвшею, причемъ отсутствіе опрятности явилось вмѣстѣ съ усиленіемъ русскаго вліянія. Кромѣ опрятности и чистоплотности, зажиточность не могла не проявиться и въ пищѣ, которая несомнѣнно гораздо разнообразнѣе и питательнѣе той, которою изо дня въ день наколачиваютъ свои утробы русскіе крестяне. Конечно, многое зависитъ и отъ того, что мордвинъ не такъ безпричинно брезгливъ на пищу, какъ русскій: онъ не погнушается зайцемъ и даже очень любитъ его, и всякую птицу будетъ ѣсть, не увѣряя, что она «поганая». Мокшанка столько блюдъ съумѣетъ надѣлать изъ тѣста одного, что, право, диву дашься при видѣ ея изобрѣтательности. Ѣстъ мордвинъ мокшанинъ сытно, живетъ уютно и главное сильно стоитъ за многосемейность, хотя язва раздѣловъ проникла и къ нему и разростается соразмѣрно съ усиленіемъ обрусѣнія. Впрочемъ, и донынѣ можно еще довольно часто видѣть по 3 и даже по 4 избы въ одномъ дворѣ, причемъ у обитателей ихъ все хозяйство общее, кромѣ тѣхъ бездѣлокъ, о которыхъ и толковать не стоитъ. Ясно, что хозяинъ такого двора богатъ именно числомъ работниковъ, которыхъ онъ можетъ выставить на десятину и понятно слѣдовательно, почему старики не очень охотно идутъ на обрусѣніе и пугаются не на шутку, когда видятъ, какъ равнодушна къ старинѣ молодежь. Тѣмъ не менѣе мужикъ мокшанинъ по одеждѣ, да даже и по облику, совсѣмъ глядитъ русскимъ, развѣ только скулы немного выдадутъ алтайское происхожденіе, да рубаха, вышитая особымъ образомъ, покажетъ, что потрудились надъ нею не русскія, а мордовскія руки. Мордвинъ любитъ хорошо поѣсть, выпить пьянаго пива пурэ, у него есть извѣстный житейскій идеалъ, къ которому онъ стремится и о которомъ можетъ дать понятіе слѣдующая молитва: «Истинный Пасъ, (Боже), Высокій Пасъ! Дай намъ хлѣбъ насущный, дай все, что я прошу у Тебя: дай лошадку, чтобы хлѣбъ пахать, аминь. Пасъ, и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай также такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, и поболѣе дѣтей. Что я прошу — создай, Господи, а паче всего хлѣба. Сохрани, Господи, отъ колдуна и клеветника. Аминь». Женщина у мордвы находится не въ такомъ забитомъ состояніи, какъ, напр., у чувашъ, и въ мордовскихъ легендахъ ей приписывается даже вѣщая сила. «Жилъ былъ собака Демонъ; у него было 30 друзей-разбойниковъ; вотъ и вздумали они пріѣхать Абыза грабить. Пріѣхали къ воротамъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ-Демонъ ударилъ въ ворота ногой и ворота въ лучину изщепалъ. Вбѣжалъ собака Демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызъ съ женою въ банѣ парился. Вышелъ Абызъ изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызъ началъ ихъ просить жалобно: — «Подождите, братцы, жену мою; она вамъ отдастъ золотую казну». Вошла въ избу абызова жена, поклонилась на три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ отпустила, потому что день начинается и ихъ поймаютъ; она ихъ выпустила изъ избы, а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ, обѣщали дать ей половину своего добра. Она ихъ отпустила со двора, а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызихой ницъ лицомъ и отдали ей все свое добро». Мордвинъ цѣнитъ въ дѣвушкѣ только способность къ работѣ и деторожденію, и дѣвушка, рождающая дѣтей, даже пользуется особенно хорошею репутаціей.

Таковы остатки мордовской старины. Немного ихъ да и тѣ продолжаютъ существовать только въ захолустьяхъ, вообще же мордва русѣетъ бо-

РИСУНОКЪ АНДРІОЛЛИ.

Умирающій работникъ семьи.

Рѣзано на деревѣ въ Варшавѣ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ КЕППЕНА.

Моцартъ и Сальери. (Сцены, А. Пушкина.)

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.

лѣе и болѣе и даже съ гордостью называетъ себя русскими.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Самуилъ Джонсонъ.

(Ст. Е. А. Сысоевой.)

Болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, на углу улицы Моста, въ Лондонѣ, близъ стариннаго Дрюри-ленскаго театра, на сценѣ котораго еще во времена Кромвеля давались комедіи, — стояла таверна, прославившаяся тѣмъ, что въ ней впродолженіи полутора вѣка собирались не получившіе еще извѣстности писатели, только что начинающіе артисты, разные искатели наживы, кутилы-студенты изъ Оксфорда и Кэмбриджа, безпріютные бѣдняки, словомъ, люди, которымъ не повезло въ жизни и которые шли сюда топить въ портерѣ и джинѣ свои неосуществившіяся золотыя мечты.

Мрачная зала таверны съ рѣзнымъ, почернѣвшимъ отъ времени потолкомъ, старая трактирщица, м-съ Тотенгэмъ, вѣчно дремлющая за прилавкомъ подъ прикрытіемъ длиннаго ряда оловянныхъ бутылокъ съ узкимъ горлышкомъ, нѣсколько столовъ, заставленныхъ неуклюжими стаканами и кружками, — вся эта грязная, нищенская обстановка, освѣщенная двумя висячими лампами и десяткомъ нагорѣвшихъ сальныхъ свѣчей въ высокихъ желѣзныхъ подсвѣчникахъ, вѣроятно, представлялась воспаленному воображенію посѣтителей краше всякаго роскошнаго дворца, если ихъ такъ тянуло въ таверну Дрюри-Ленъ.

Въ описываемый вечеръ эта таверна была, по обыкновенію, полна народа; большинство, по примѣру хозяйки, дремало, для сокращенія времени, другіе молча пили; группа молодежи, удалившись на конецъ залы, къ входной двери, вела оживленную бесѣду, прерываемую дружными взрывами громкаго хохота.

— Нѣтъ, Джонъ, нѣтъ, ты не сдѣлаешь такой глупости, не пойдешь въ актеры! говорилъ брюнетъ съ выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ, обращаясь къ молодому человѣку лѣтъ 24, въ одеждѣ, присвоенной духовному званію. — Тебѣ остается всего три мѣсяца для полученія степени доктора богословія; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, опозорить имя епископа Бенжамена Хоальде, нельзя допустить, чтобы его второй сынъ бѣжалъ отъ кафедры въ труппу комедіантовъ.

— Гаррикъ правъ, замѣтилъ на это старшій Хоальде. — Я не менѣе тебя, братъ, люблю театръ и, изучая медицину, не забываю музъ; но развѣ можно ради нихъ бросать науку и огорчать отца? Ступай въ священники, продолжай писать стихи, ходи попрежнему въ театръ — это будетъ благоразумнѣе.

— Да и что такое, въ сущности, жизнь фигляра? продолжалъ Гаррикъ, пламенно жестикулируя руками: — выходи на подмостки, истощай всѣ свои силы, чтобы вызвать смѣхъ и слезы у толпы, подвергай себя непріятности быть закиданнымъ яблоками, трудись, не ожидая вознагражденія, терпи униженія на каждомъ шагу, — а впереди что?.. больница... Спросите меня. Я перешелъ всѣ эти испытанія, продолжалъ молодой артистъ, не предчувствуя, какая слава ждетъ его на сценѣ англійскаго театра. — Недаромъ я былъ учителемъ безъ учениковъ, адвокатомъ безъ кліентовъ, лакеемъ математика, а теперь въ свободное отъ занятій время торгую виномъ, разбавленнымъ водой.

— Tibi praeit Athénè! любезный Гаррикъ, заговорилъ изъ темнаго угла человѣкъ высокаго роста, атлетическаго сложенія.

— Къ чорту латынь! крикнулъ сидѣвшій тутъ же юноша. — На зло Ювеналу — да здравствуетъ театръ! Я съ радостію пойду въ актеры, хоть ради того, чтобы графиня Мэклсфильдъ, моя благородная родительница, лопнула съ досады, увидавъ меня на театральныхъ подмосткахъ.

— Ричардъ Саважъ, торжественно возразилъ атлетъ-латинистъ, — я не пророкъ, но предвѣщаю тебѣ, что ты умрешь на навозной кучѣ. И за что только я привязался къ этому легкомысленному, слабому созданью!..

— Ужь никакъ не слабому, иначе я давно бы виталъ въ царствѣ тѣней. Да будетъ всѣмъ вамъ извѣстно, что любовница лорда Рейверса, чудовище мать моя, не далѣе, какъ на дняхъ, пыталась извести плодъ своей преступной любви; но я съумѣлъ ускользнуть отъ смерти. Господа, этотъ долговязый наставникъ, читающій мнѣ мораль, знаетъ, какимъ образомъ я спасся. Вотъ уже 10 ночей, какъ мы съ нимъ вдвоемъ проводимъ на лондонской мостовой? Очень дешевая квартира... М-съ Тотенгэмъ, стаканъ джину!

— Джину? повторилъ вошедшій въ эту минуту новый посѣтитель: — вѣрно, Саважъ здѣсь!

— Уильямъ Гогартъ, это вы? воскликнули въ изумленіи всѣ присутствующіе.

— Я, собственнолично, прямо изъ Франціи, не ужился тамъ.

Новоприбывшій, появленіе котораго вызвало такое единодушное оживленіе, былъ небольшого роста, коренастый, здоровый, проворный въ движеніяхъ молодой человѣкъ, болѣе похожій на жителя южной Франціи, чѣмъ на англичанина. Его нѣсколько грубоватое, но энергическое лицо отличалось смѣлымъ, открытымъ выраженіемъ; бѣгающіе глаза были необыкновенно проницательны, губы насмѣшливы; вдоль выпуклаго лба шелъ глубокій шрамъ. Онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и устремилъ глаза на незнакомую ему, безобразную физіономію ночного уличнаго товарища Саважа.

— Знаешь, Гаррикъ, сказалъ онъ, обращаясь къ актеру, — я въ жизнь свою не встрѣчалъ больного съ такимъ сложеніемъ и школьнаго учителя съ выраженіемъ такого честолюбія въ лицѣ.

— Портретъ готовъ, Уильяму остается только подписать подъ нимъ свое имя, шепнулъ брату старшій Хоальде.

Предметъ наблюденія Гогарта, дѣйствительно заслуживалъ вниманія. Это былъ огромнаго роста мужчина, съ небольшой, угловатой головой; изсиня-блѣдное лицо его, покрытое золотушными шрамами, еще болѣе обезображивалось красными вѣками глазъ, изъ которыхъ одинъ уже вытекъ; торчащія густыя брови, большой носъ съ раздутыми ноздрями, двѣ глубокія морщины по обѣимъ сторонамъ рта, шея и уши, изрытыя оспой, — все вмѣстѣ производило отталкивающее впечатлѣніе. Голосъ у него былъ хриплый, походка невѣрная, все тѣло ежеминутно судорожно подергивалось; голову онъ постоянно держалъ наклоненную на бокъ, вслѣдствіе начинавшейся глухоты, что придавало ему какой-то робкій, застѣнчивый видъ. Возрастъ этого человѣка трудно было опредѣлить. Онъ носилъ круглый, довольно истрепанный парикъ, сильно поношенное, все въ пятнахъ, платье, явно свидѣтельствовавшее о крайней нищетѣ; засаленные, лоснящіеся рукава стягивали узкимъ обшлагомъ кисти крупныхъ, поразительной красоты рукъ.

Услыхавъ рѣзкое замѣчаніе Гогарта, атлетъ съ трудомъ поборолъ въ себѣ взрывъ гнѣва; лицо его конвульсивно передернуло; однако, онъ отвѣтилъ совершенно хладнокровно:

— Acute, augurasti: я, дѣйствительно, боленъ, а силенъ такъ, что могу изломать васъ, какъ трость; отчасти честолюбивъ и одно время состоялъ школьнымъ учителемъ...

— Это бывшій мой учитель, перебилъ его Гаррикъ, — а теперь мой другъ. Я тебѣ не разъ говорилъ, любезный Билль, о Самуилѣ Джонсонѣ. Ты видишь передъ собой одного изъ непризнанныхъ великихъ людей будущаго.

Услыхавъ свое имя, безобразный гигантъ вздрогнулъ; до сихъ поръ онъ одинъ подчинялся обаянію этого имени, которому суждено было впослѣдствіи прогремѣть по всей Англіи. Въ книгѣ судебъ тогда уже было написано, что настанетъ день, когда гордые пэры Англіи будутъ оспаривать другъ у друга честь, кому изъ нихъ нести на своихъ плечахъ въ уэстминстерское аббатство гробъ этого безобразнаго, золотушнаго нищаго и опустить его въ могилу рядомъ съ королевскими гробницами.

Уильямъ Гогартъ, чтобы не оскорбить своего друга Гаррика, хотѣлъ было смягчить рѣзкость своей первой выходки, но это ему не удалось.

— Я очень бы желалъ, м-ръ Джонсонъ, сказалъ онъ, — отвѣтить, какъ слѣдуетъ, на вашу любезность, но, къ сожалѣнію, меня по латыни не учили. Я могу только дать вамъ честное слово, что никогда не нарисую вашего портрета.

Присутствующіе невольно засмѣялись; Джонсонъ и не моргнулъ; но лишь только всѣ умолкли, онъ разразился оглушительнымъ хохотомъ и затѣмъ мгновенно стихъ.

Началась попойка. Вино обыкновенно располагало Гогарта къ грусти; Гаррикъ, замѣтивъ, что тотъ начинаетъ задумываться, рѣшился поскорѣе увести его изъ таверны; улучивъ удобную минуту, онъ подалъ знакъ Джонсону всѣ трое незамѣтно ускользнули, не расплатившись съ хозяйкой. Отуманенные винными парами, они долго шли, слегка пошатываясь, по извилистымъ, узкимъ улицамъ уединеннаго квартала.

Дорогою Гогартъ сообщилъ своимъ спутникамъ, что у него на душѣ лежитъ тяжкимъ бременемъ одна тайна. Тайна эта заключалась въ томъ, что онъ былъ страстно влюбленъ въ дочь придворнаго художника, знаменитаго живописца, баронета Торнгиля, и замышлялъ увезти на слѣдующій день свою возлюбленную изъ родительскаго дома и обвѣнчаться съ нею. Джонсонъ принялъ живое участіе въ судьбѣ знаменитаго карикатуриста и старался всячески помочь ему, а когда этотъ бракъ состоялся, онъ сдѣлался неизмѣннымъ другомъ молодой четы. Зайдя однажды въ ихъ тѣсную каморку, онъ засталъ супруговъ въ сильномъ уныніи, причина котораго заключалась въ томъ, что Торнгиль не хотѣлъ простить свою дочь, не принималъ ее къ себѣ и обрекалъ на тяжкую трудовую жизнь.

— И вы считаете это временное горе несчастьемъ, друзья мои? замѣтилъ Джонсонъ, выслушавъ задушевную исповѣдь Гогарта. — Когда я вамъ разскажу исторію моей жизни, тогда вы узнаете, что такое несчастье.

«Съ тѣхъ поръ, какъ я дышу, началъ онъ, — я борюсь съ тремя врагами: со смертью, съ нищетой и съ лѣнью. Моя безобразная наружность отталкиваетъ отъ меня людей; упрямый характеръ и ѣдкій языкъ нажили мнѣ не мало враговъ. Нельзя назвать красными днями тѣ дни моего дѣтства, которые я провелъ въ графствѣ Варвикъ, въ мѣстечкѣ Лихтфильдъ, гдѣ я родился въ 1709 г. Отецъ мой, пламенный якобинецъ, былъ по ремеслу книгопродавецъ. Не смотря на желѣзное сложеніе, я унаслѣдовалъ отъ матери организмъ, подточенный сильнѣйшей золотухой, по милости которой я потерялъ всѣ зубы, одинъ глазъ и оглохъ на одно ухо; хроническое нервное раздраженіе вызываетъ постоянныя судороги во всемъ моемъ тѣлѣ и передергиваетъ лицо. Мое нормальное состояніе — это полное бездѣйствіе; всякій трудъ стоитъ мнѣ страшныхъ усилій. Мнѣ минуло 16 лѣтъ, когда дѣла отца моего разстроились, онъ обанкрутился и умеръ съ горя; отъ продажи нашего имущества мнѣ досталось 20 фунтовъ. Съ этими деньгами я кое-какъ дотащился до Оксфорда, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище въ под-

валѣ; питаясь чернымъ хлѣбомъ и работая день и ночь, я приготовился къ поступленію въ университетъ. Мои товарищи брезгали мною, боялись даже близко подойдти къ такому уроду и никогда не разговаривали со мною; во время лекцій, мнѣ отводили мѣсто около самой двери аудиторіи, вслѣдствіе чего я по глухотѣ своей съ трудомъ могъ разслушать слова профессоровъ. Можно себѣ представить, что вытерпѣло мое молодое сердце въ эту эпоху испытаній, сколько униженій, сколько оскорбительныхъ насмѣшекъ мнѣ пришлось вынести отъ товарищей! Когда мои денежныя средства истощились, одинъ изъ студентовъ сжалился надо мной и вызвался быть моимъ репетиторомъ; но вскорѣ онъ бросилъ меня и я вынужденъ былъ оставить университетъ, гдѣ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе профессоровъ удачнымъ переводомъ поэмы Попа «Мессія» на латинскій языкъ стихами. Покинувъ Оксфордъ, я занялъ мѣсто учителя въ сельской школѣ; но измученный преслѣдованіями моихъ маленькихъ воспитанниковъ, безпощадно глумившихся надъ моимъ безобразіемъ, я бѣжалъ изъ деревни. Въ Бирмингэмѣ какой-то врачъ-шарлатанъ, занимавшійся изслѣдованіями золотухи, предложилъ мнѣ служить ему предметомъ наблюденій; если онъ не отправилъ меня на тотъ свѣтъ своими декохтами, то этимъ я обязанъ своей желѣзной натурѣ. Живя у него, я, отъ нечего дѣлать, занялся переводомъ книги Жерома Лобо «Путешествіе по Абиссиніи», за которую выручилъ пять гиней; на эти деньги я купилъ себѣ приличное платье; но вскорѣ мой эскулапъ, разсердясь на то, что моя болѣзнь не поддается его леченію, въ одно прекрасное утро вытолкалъ меня на улицу. Положеніе мое было безвыходное; я впалъ въ страшную ипохондрію — недугъ, унаслѣдованный мною отъ покойнаго отца; въ эти дни тоски я дѣлаюсь ни на что не способнымъ, не могу даже связать двухъ мыслей. Умирая отъ голода, измученный шатаньемъ по полямъ и лѣсамъ, я, наконецъ, опомнился, сообразилъ, что такъ жить невозможно, что я сойду съ ума, если не поборю своего мрачнаго отчаянія. Какъ разъ въ это время я столкнулся съ сострадательной душой, съ м-съ Портеръ, пожилой вдовой, занимавшейся мелкой торговлей въ деревушкѣ Эдіаль, близъ Бирмингэма; она призрѣла меня, несчастнаго, дала убѣжище въ своемъ домѣ. Не зная чѣмъ отплатить моей благодѣтельницѣ, я предложилъ ей свою руку, не смотря на разницу нашихъ лѣтъ: ей тогда, т. е. въ 1735 г., было 46 лѣтъ, а мнѣ только 26. Все ея состояніе заключалось въ 800 ф. ст., которые она отдала въ мое распоряженіе съ тѣмъ, чтобы я открылъ приготовительный пансіонъ для мальчиковъ, о чемъ мы немедленно и напечатали объявленіе въ газетахъ. Но мнѣ и тутъ не повезло; наружность ли моя была тому причиной, или моя неспособность быть педагогомъ, только учениковъ у меня оказалось очень мало и пансіонъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ закрылся. Вмѣсто того, чтобы скопить деньги для поѣздки въ Лондонъ, гдѣ я надѣялся найдти болѣе выгодныя занятія, я истратилъ весь капиталъ жены. Чтобы не быть ей въ тягость, я тайкомъ ушелъ изъ дому, не простившись даже съ нею. Бѣдная м-съ Джонсонъ! она до самой смерти своей не узнала причины моей очевидной неблагодарности, а между тѣмъ чего мнѣ стоило разстаться съ этимъ единственнымъ предметомъ моей привязанности! Впрочемъ, я ошибаюсь; въ числѣ немногихъ моихъ воспитанниковъ находился бойкій, способный мальчикъ, сынъ небогатаго офицера и внукъ французскаго негоціанта, бѣжавшаго изъ отечества, вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта; юноша пришелся мнѣ очень по сердцу; онъ также съумѣлъ меня оцѣнить и мы вмѣстѣ отправились въ Лондонъ. Этотъ юноша — нашъ общій другъ актеръ Дэвидъ Гаррикъ.

«Въ Лондонѣ я испробовалъ свои силы на всевозможныхъ литературныхъ трудахъ, задавшись мыслью заработывать свой хлѣбъ неиначе, какъ перомъ; я поставилъ себѣ цѣлью выяснить вопросъ, дѣйствительно-ли есть у меня авторскій талантъ и развить его какъ можно шире. Я началъ съ того, что сочинилъ трагедію «Ирену», которая, конечно, никогда не будетъ напечатана; полгода бился я, тщетно стараясь поставить ее на сцену. Тогда, отказавшись отъ театральныхъ мечтаній, я принялся за сатиры и за пѣсенки нравственнаго содержанія; онѣ раскупались у меня въ тавернахъ за нѣсколько пенсовъ. Поэтъ Попъ, прочитавъ мою первую юмористическую поэму «Лондонъ», предсказалъ, что со временемъ я получу извѣстность. Я самъ въ этомъ убѣжденъ, потому что твердо вѣрю въ силу труда; плановъ и проектовъ у меня въ головѣ гибель, но всѣ они, вѣроятно, рушатся, благодаря равнодушію англійской націи, поклоняющейся одному лишь золотому тельцу; на мое объявленіе, напримѣръ, объ изданіи древнихъ классиковъ, публика не обратила вниманія. Въ эти 7—8 лѣтъ я написалъ груды критическихъ обозрѣній, прологовъ, юридическихъ мемуаровъ, народныхъ пѣсенъ и даже сочинялъ проповѣди по заказу лѣнивыхъ священниковъ; я работалъ, не покладая рукъ, не взирая на голодъ и болѣзни, но выручалъ такъ мало, что по цѣлымъ недѣлямъ принужденъ былъ проводить ночи на мостовой, собиралъ съ улицъ клочки бумаги, заходилъ въ ближайшую таверну и писалъ тамъ свои мелкія статьи *). Горька моя доля, заключилъ Джонсонъ, — но, повторяю, я убѣжденъ, что не пропаду; недаромъ Вольтеръ, прочитавъ мои парламентскія рѣчи въ «Gentleman's Magazine», сравнилъ меня съ Цицерономъ и Демосфеномъ...»

Этотъ изустный разсказъ Джонсона о своей жизни лучше всего обрисовываетъ характеръ знаменитаго лексикографа. Въ ту эпоху, когда онъ изливалъ свою душу передъ супругами Гогартъ, онъ, дѣйствительно, былъ голодный нищій, не имѣвшій угла, гдѣ преклонить голову; но мало-по-малу скромный авторъ журнальныхъ статей (впродолженіи трехъ лѣтъ онъ былъ сотрудникомъ очень распространенныхъ тогда журналовъ: «Rambler» и «Gentleman's Magazine») сдѣлался звѣздой первой величины на литературномъ горизонтѣ. Объ его юмористическихъ поэмахъ: «Лондонъ» и «Тщета человѣческихъ желаній» всюду заговорили; но наибольшую извѣстность доставили ему парламентскія рѣчи, которыя печатались въ «Gentleman's Magazine» и принимались публикой за оригинальныя рѣчи Питта, Вальполя и другихъ государственныхъ людей. Нельзя не удивляться тому, что благородные лорды ни разу не протестовали противъ этой изящной поддѣлки; мало того, они имѣли наглость утверждать, что только «Gentleman's Magazine» вполнѣ точно передаетъ цвѣты ихъ краснорѣчія. Джонсонъ втихомолку подсмѣивался надъ тщеславіемъ этихъ господъ и всетаки продолжалъ заработывать этимъ способомъ свой насущный хлѣбъ. Издатели такъ сильно притѣсняли его, что онъ нерѣдко прибѣгалъ къ рукопашной расправѣ съ тѣми изъ нихъ, которые переходили границы. Въ 1749 г. трагедія его «Ирена», которую онъ считалъ уже погибшей, была поставлена въ первый разъ на Друри-ленскомъ театрѣ, по усиленному ходатайству Гаррика. Публика довольно терпѣливо прослушала три первые акта изъ уваженія къ имени автора; но лишь только героиня пьесы, Ирена, появилась на сценѣ съ веревкой на шеѣ и, стоя подъ висѣлицей, начала произносить монологъ, зрители свистомъ и шиканьемъ вынудили ее замолчать и убѣжать за кулисы. Это заставило автора измѣнить отвратительную сцену казни, послѣ чего трагедія выдержала 9 представленій и затѣмъ провалилась безслѣдно, доставивъ, однако, Джонсону до 300 ф.

*) Любопытно прослѣдить, что выручали нѣкоторые изъ извѣстныхъ англійскихъ авторовъ XVIII столѣтія за свои сочиненія Фильдингъ, напр., за своего «Тома Джонса», книгу, не лишенную до сихъ поръ интереса, получилъ 700 ф.; Стернъ за второе изданіе 1-й части «Тристрэма Шанди» и за два добавочныхъ тома къ ней—650 ф.; Гольдсмиту за его безсмертнаго «Векфильдскаго священника» дали 60 гиней; м-съ Редлифъ за «Удольфскія тайны» получила 500 ф.; но Юнгъ уже заработалъ своими сатирами 3,000 ф.; Юмъ за каждый томъ «Исторіи Англіи» получилъ по 700 ф.; Робертсонъ за «Исторію Шотландіи» выручилъ 6,000 ф., а за «Исторію Карла V» 4,500 ф.; наконецъ, Гейлей получилъ за «Жизнь Купера»—11,000 ф. Немудрено, что Джонсонъ горько роптал, собирая пенсами плату за свои произведенія.

Въ это время Джонсонъ былъ занятъ серьезнымъ дѣломъ: онъ собиралъ матеріалы для изданія перваго «Этимологическаго словаря» англійскаго языка. Компанія лондонскихъ книгопродавцевъ предложила ему быть главнымъ редакторомъ съ условіемъ, что они уплатятъ ему 1500 ф. ст., втеченіи трехъ лѣтъ — срока выпуска въ свѣтъ книги. Исторія этого словаря довольно оригинальна. Джонсонъ намѣревался посвятить его лорду Честерфильду, вице-королю Ирландіи и извѣстному меценату той эпохи; но всѣ его попытки добиться аудіенціи у лорда, чтобы объяснить ему пользу предпринятаго изданія и испросить у него на этотъ предметъ пособіе, не увѣнчались успѣхомъ: лорда онъ въ глаза не видалъ и никакого пособія не получалъ, какъ вдругъ, передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ перваго выпуска словаря (въ 1755 г.), въ газетѣ «Wold» появились двѣ статьи достопочтеннаго лорда, въ которыхъ говорилось, что одинъ только Джонсонъ съ его высокимъ образованіемъ можетъ выполнить какъ слѣдуетъ такой серьезный трудъ, потому что онъ настоящій «диктаторъ» въ англійскомъ языкѣ. Смыслъ этой непрошенной любезности былъ тотъ, что его лордству было бы очень пріятно, если бы словарь посвятили ему и тѣмъ поддержали въ глазахъ свѣта его репутацію покровителя литературы.

Джонсона взбѣсили эти статьи и онъ жестоко отомстилъ лорду Честерфильду, написавъ къ нему письмо, опубликованное Босуэлемъ въ посмертной біографіи автора. Вотъ выдержки изъ него: «Семь лѣтъ кряду, милордъ, я тщетно ожидалъ пріема въ вашихъ переднихъ и кончилось тѣмъ, что мнѣ указали дверь. Я издалъ свой трудъ безъ малѣйшей помощи съ вашей стороны и даже безъ одобренія, чего, признаюсь, я не ожидалъ. Нельзя назвать патрономъ того человѣка, который равнодушно смотритъ на утопающаго и осыпаетъ его предложеніями своихъ услугъ, когда тотъ уже на берегу. Когда я былъ безвѣстенъ, бѣденъ, одинокъ, вы не изволили обращать никакого вниманія на мои литературные труды, а теперь, когда словарь мой готовъ, имя мое получило извѣстность, вы начинаете выказывать мнѣ горячее сочувствіе. На что оно мнѣ?.. Я уже давно разочаровался въ сладкой надеждѣ, что могутъ существовать истинные покровители литературы и наукъ. А съ какимъ увлеченіемъ я предавался прежде этой несбыточной мечтѣ, милордъ!..»

Карлейль называетъ это письмо трубою архангела страшнаго суда, грянувшей прямо надъ ухомъ лорда Честерфильда и возвѣстившей всему міру, что времена патроновъ кончились.

Появленіе въ свѣтъ «Этимологическаго словаря» сразу подняло имя Джонсона на недосягаемую высоту въ литературныхъ кружкахъ; самъ же онъ послѣ этого труда впалъ въ совершенную апатію, продолжавшуюся почти 4 года, такъ что обѣщанное имъ въ это время новое изданіе Шекспира вышло 9 лѣтъ спустя и то благодаря лишь ядовитой сатирѣ Черчиля

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА Л. МЕРСОНА.

Jules Lavée

J. Ansseau sc.

Бѣгство въ Египетъ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

гдѣ очень ясно намекалось, что Джонсонъ надулъ своихъ подписчиковъ. Неожиданное горе вывело Джонсона изъ состоянія апатіи: въ 1759 г. умерла девяностолѣтняя мать его. Получивъ извѣстіе о ея болѣзни и не имѣя средствъ, чтобы вырваться изъ Лондона, Джонсонъ заперся въ своей квартирѣ и втеченіи недѣли написалъ романъ «Rasselas»; онъ продалъ его за 125 фун., которые всѣ пошли на погребеніе матери. Романъ имѣлъ громадный успѣхъ и переведенъ на многіе иностранные языки; иные ставятъ его даже выше Вольтерова «Кандида».

Вскорѣ послѣ того, въ судьбѣ Джонсона произошла рѣзкая перемѣна. При вступленіи на престолъ Георга III, приближенные его стали внушать ему, что не худо бы англійскому королю оказать нѣкоторую поддержку лучшимъ отечественнымъ писателямъ; результатомъ этого было дарованіе Джонсону пожизненной пенсіи въ 300 ф.; онъ принялъ ее съ благодарностію, хотя въ «Словарѣ» слово пенсія опредѣлялась имъ слѣдующимъ образомъ: «Подъ словомъ пенсія въ Англіи разумѣется плата, выдаваемая государствомъ политическому прислужнику съ тѣмъ, чтобы онъ измѣнилъ отечеству». Можно себѣ представить, какой богатый матеріялъ нашли въ этомъ обстоятельствѣ враги Джонсона для своихъ сарказмовъ!

Вскорѣ послѣ того, актеру Шеридану также назначена была пенсія въ 200 ф.; это не на шутку задѣло самолюбіе Джонсона и онъ объявилъ однажды въ клубѣ, что откажется отъ своей пенсіи; услужливые пріятели не преминули передать эти слова старику Шеридану, который до самой своей смерти не могъ простить нанесеннаго ему оскорбленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, считавшій въ числѣ своихъ друзей романистовъ Ричардсона и Гольдсмидта, историка Гиббона, оратора Борка, министра Уиндэма, живописцевъ Гогарта и Рейнольдса, актера Гаррика, богатаго и просвѣщеннаго мецената Боклерка,—не могъ не быть личностью выдающеюся по уму и образованію. По своимъ политическимъ убѣжденіямъ Джонсонъ былъ тори стараго закала; современники недаромъ прозвали его торійскимъ Геркулесомъ; идеалами монарховъ онъ считалъ Іакова II и Карла II; билль о произвольномъ тарифѣ, которымъ англійское правительство обложило американскіе товары, былъ привѣтствованъ имъ съ восторгомъ. По его мнѣнію, полное счастье на землѣ возможно только при неравенствѣ людей и при подчиненіи однихъ другимъ; Вольтера и Руссо онъ называлъ бездѣльниками, подрывающими основы государственнаго благосостоянія. Словомъ, это былъ истый англичанинъ по плоти и духу, страстный защитникъ іерархическаго начала и существующаго порядка, врагъ диссидентовъ. Такъ характеризуетъ Джонсона Тэнъ въ своей «Histoire de la littérature anglaise», съ ожесточеніемъ нападая на его фанатически-религіозныя убѣжденія. Онъ ставитъ даже ему, между прочимъ, въ укоръ тотъ высоко-торжественный, грандіозный слогъ его сочиненій, которымъ англичане особенно гордились. По поводу слога, Гольдсмитъ, пламенный поклонникъ автора «Этимологическаго словаря», сказалъ ему однажды: «Докторъ, мнѣ кажется, что если бы вы вздумали написать басню о маленькихъ рыбкахъ, онѣ заговорили бы у васъ, какъ киты».

Втеченіи почти 25 лѣтъ Джонсонъ положительно считался диктаторомъ въ англійской литературѣ; нѣсколько словъ его ѣдкой критики сразу губили появлявшуюся книгу, а похвальный отзывъ его мгновенно поднималъ всякое сочиненіе въ глазахъ читающей публики. Его авторитетъ былъ неоспоримъ и въ Лондонѣ произошло сильное волненіе въ литературномъ мірѣ, когда однажды грузный, лѣнивый Самъ отправился на Гебридскіе острова, вмѣстѣ съ неразлучнымъ своимъ Босуэлемъ, чтобы провѣрить на мѣстѣ, дѣйствительно-ли существовали когда либо Оссіановскія рукописи, изданныя въ переводѣ на англійскій языкъ Макферсономъ. Вернувшись изъ этого путешествія, Джонсонъ написалъ громовую статью, гдѣ онъ опровергъ существованіе рукописей Оссіана и осмѣялъ жалобный тонъ приписываемыхъ ему мелодій. Взбѣшенный Макферсонъ написалъ Джонсону ругательное письмо, но оригиналовъ рукописей всетаки представить не могъ; тогда 66-лѣтній Джонсонъ послалъ ему вызовъ на личныя объясненія, въ самой оскорбительной формѣ и, на всякій случай, запасся исполинскихъ размѣровъ тростью, ежедневно ожидая къ себѣ своего противника; но тотъ, конечно, не явился.

Въ награду за историческія изслѣдованія и за изданіе словаря оксфордскій и дублинскій университеты поднесли Джонсону почетное званіе доктора, но онъ до самой смерти не иначе подписывался, какъ мистеръ Д. Онъ терпѣть не могъ лести, комплиментовъ и излишняго ухаживанья за собой. Никому такъ не доставалось отъ него за это, какъ Босуэлю, который не отходилъ отъ него ни на шагъ изъ опасенія упустить малѣйшее дѣйствіе или слово своего героя. «Вы смотрите на меня, какъ на свою добычу, говорилъ нерѣдко съ сердцемъ Джонсонъ.—Какъ это я вамъ до сихъ поръ не надоѣлъ!»

Нельзя не подивиться рѣзкимъ противорѣчіямъ во взглядахъ Джонсона; такъ, напр., онъ былъ заклятый врагъ невольничества въ Вестъ-Индіи и на торжественныхъ обѣдахъ первый предлагалъ тосты за освобожденіе негровъ въ Америкѣ, а между тѣмъ никто не возставалъ съ такимъ ожесточеніемъ противъ независимости Американскихъ Штатовъ, какъ онъ. «И какъ смѣютъ лаять о своей свободѣ эти отъявленные палачи негровъ!» горячился старикъ, когда при немъ заходила рѣчь объ освобожденіи англійскихъ колоній. Многіе осуждали его за равнодушіе къ несчастію ближняго; даже Босуэль, въ своей біографіи Джонсона, какъ бы намѣренно выставляетъ на видъ нѣсколько примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что Джонсонъ не отличался нѣжностію сердца, часто бывалъ грубъ и непріятенъ съ друзьями и не довѣрялъ слишкомъ сантиментальнымъ выраженіямъ привязанности другихъ къ нему. Но за то въ запискахъ м-съ Трэль, семья которой состояла въ тѣсной дружбѣ съ Джонсономъ втеченіи многихъ лѣтъ, говорится, что онъ былъ въ высшей степени гуманенъ; что изъ 300 ф. пенсіи онъ истрачивалъ на себя не болѣе 80 ф., все же остальное раздавалъ нуждающейся братіи. Въ квартирѣ его постоянно жили три-четыре старухи и полоумный старикъ, призрѣнный имъ съ улицы; нахлѣбники эти вѣчно ссорились между собой, дѣлали непріятности своему благодѣтелю, а онъ ихъ все-таки не гналъ отъ себя. Когда его средства значительно поправились, онъ не иначе выходилъ изъ дому, какъ съ карманами, полными мелочи, для раздачи нищимъ, живо напоминавшимъ ему, конечно, горькіе дни его собственной молодости. Наткнувшись однажды ночью на полумертвую отъ голода и истощенія силъ молодую женщину, онъ взвалилъ ее на плечи, принесъ домой, уложилъ въ постель, накормилъ, лечилъ на свой счетъ, а когда она поправилась, далъ ей средства начать другой образъ жизни.

Напрасно Тэнъ силится представить Джонсона какимъ-то гиппопотамомъ, обжорой, невѣжей и безсердечнымъ эгоистомъ; подъ грубой корой таилось золотое сердце. Беззавѣтно преданный немолодой, некрасивой женѣ, пріютившей его въ годину бѣдствій, неизмѣнно вѣрный друзьямъ, не всегда умѣвшимъ оцѣнить эту благородную душу, безобразный, больной ипохондрикъ во всю свою жизнь никогда не оставался въ долгу у тѣхъ, кто когда-либо оказалъ ему услугу. Онъ былъ покровитель нищихъ и баловникъ дѣтей, которыхъ любилъ съ особенной нѣжностью. Гостепріимство онъ считалъ обязательнымъ для каждаго порядочнаго человѣка. На долю его выпало тяжелое испытаніе: онъ пережилъ всѣхъ, кого любилъ—жену, мать, забулдыгу Саважа, Гаррика, умершаго въ Бедламѣ, Гогарта и Боклерка. Въ 1784 году, его разбилъ параличъ и онъ умеръ, окруженный заботами и нѣжнымъ вниманіемъ Борка, общаго друга ихъ, бывшаго министра Уиндэма и живописца Рейнольдса, и похороненъ, какъ сказано выше, въ уэстминстерскомъ аббатствѣ.

Золото и имя.

(Романъ г-жи **Шварцъ**.)

(*Продолженіе*.)

VII.

Настало утро. Всѣ гости спали, одна хозяйка Тимасіо, давно покинувшая спальню, разбирала полученныя письма. Первое прочтенное ею письмо было слѣдующаго содержанія:

«Прелестный сонъ моей юности! Едва осмѣливаюсь я писать тебѣ—тебѣ, которую я любилъ и вѣчно буду любить! Я измѣнилъ тебѣ изъ одного глупаго высокомѣрія, поддавшись совѣтамъ нелѣпой ревности и польщеннаго самолюбія. Если бы я смѣлъ предстать передъ тобою, чтобы разсказать, что я выстрадалъ съ того часа, когда увидалъ тебя въ Копенгагенѣ невѣстой,—ты, можетъ быть, поняла бы меня. Ты замужемъ... за другимъ! Мысль эта не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Страдая сильно, я съ трудомъ переносилъ узы, приковывающія меня къ Мартѣ, когда судьба натолкнула меня на знакомство съ твоимъ мужемъ. Гдѣ и когда — ты узнаешь впослѣдствіи. Видя этого статнаго, высокопоставленнаго господина, я рѣшилъ, что ты любишь его. Любовь ко мнѣ, думалъ я, была только увлеченіемъ съ твоей стороны. Я страдалъ, пожираемый какъ ревностью, такъ и досадой на поведеніе твоего мужа; ухаживаніемъ за моей невѣстой онъ наносилъ оскорбленіе мнѣ и тебѣ. Результатомъ всего этого была наша разлука съ Мартой... Я возвратился въ Швецію, она послѣдовала въ Англію за своимъ новымъ обожателемъ, твоимъ мужемъ. Весною я получилъ отъ нея письмо съ просьбою помѣняться нашими письмами, которыя мы писали другъ другу. Она объясняла, что я могу получить свои письма отъ ея отца. Отыскавъ его и получивъ отъ него запечатанный конвертъ, въ которомъ, какъ я думалъ, заключались мои письма, я отдалъ ему также запечатанный пакетъ писемъ Марты. Разорвавъ обертку, я намѣревался бросить пачку въ огонь, когда нечаянно взглянулъ на почеркъ и убѣдился, что эти письма писалъ не я, а лордъ Кастертонъ... Марта посылала мнѣ нѣжныя изліянія лорда, вмѣсто моихъ писемъ. Черезъ нѣсколько дней пришелъ ко мнѣ полковникъ и объяснилъ, что письма лорда попали ко мнѣ по ошибкѣ. Изъ нихъ я узналъ, что ты вышла замужъ не по любви, и это внушило мнѣ даже надежду, милая, дорогая Эльвира, что ты стала женою Кастертона съ досады. Какъ осчастливило меня это открытіе, ты поймешь, узнавъ, что я во все время нашей разлуки не переставалъ думать о тебѣ съ любовью и душевною тоскою, еще болѣе усилившеюся послѣ того, какъ я встрѣтилъ тебя такою красавицею въ Висбаденѣ... Я рѣшился послать ихъ тебѣ, желая познакомить тебя съ человѣкомъ, выбраннымъ тобою въ мужья, который неспособенъ полюбить такого ангела, какъ ты, и предпочитаетъ тебѣ другую женщину.

«Дорогая Эльвира, какую грустную судьбу подготовила намъ Марта, заставивъ меня измѣ-

нить первой любви, а тебя выйдти замужъ за лорда. Но все можетъ измѣниться — согласись на свиданіе со мною. Я пишу тебѣ изъ Альтропа, съ нетерпѣніемъ ожидая твоего позволенія посѣтить Тимасіо; ты не откажешь мнѣ въ этой милости, если хоть немного помнишь дружбу, связывавшую насъ съ малолѣтства. Твоя свадьба съ лордомъ опровергла слухъ, распространенный въ Висбаденѣ, о нѣжныхъ отношеніяхъ твоихъ къ сэру Сиднею и возбудила во мнѣ надежду, что ты не совсѣмъ меня позабыла... Эльвира, на колѣняхъ умоляю, назначь часъ свиданія

Твоему вѣрному Карлу».

Окончивъ это письмо, Эльвира далеко отбросила его, понявъ всю низость характера Карла. Онъ сталъ ей мерзокъ. Съ грустью смотрѣла она на письма, доказывающія любовь ея мужа къ Мартѣ, виновницѣ всѣхъ ея страданій; невольно вспомнились ей первая встрѣча ихъ въ дѣтствѣ и страданіе отъ измѣны Карла; закрывъ лицо руками, она горько заплакала.

— Можно мнѣ войдти, миледи? спросила м-съ Бровъ, подымая портьеру. — Маркиза нездорова и проситъ васъ къ себѣ.

— Потрудитесь передать маркизѣ, что я сейчасъ приду, отвѣчала Эльвира.

Между тѣмъ Сидней, узнавъ, что лордъ Кастертонъ въ саду, отправился его отыскивать и вскорѣ встрѣтился съ нимъ. Эдвинъ разговаривалъ съ м-съ Бровъ и когда подходилъ, услышалъ свое имя. Ясно, собесѣдники говорили о немъ.

— Я пришелъ сообщить тебѣ, любезный Кастертонъ, что я заказалъ лошадей и черезъ часъ уѣзжаю въ Стокгольмъ, сказалъ онъ, протягивая руку своему другу.

— Отчего не хочешь ты остаться здѣсь? спросилъ Эдвинъ. — Тебя, можетъ быть, гонитъ мое присутствіе?

— Напротивъ, оно меня удержало на восемнадцать часовъ долѣе, чѣмъ я предполагалъ; не пріѣзжай ты вчера, я давно былъ бы въ Стокгольмѣ. Не помѣшалъ-ли я вашему разговору, прибавилъ онъ, обращаясь къ м-съ Бровъ.

— Нисколько; мы только-что окончили нашу бесѣду, отвѣчала м-съ Бровъ и удалилась.

— Вчера я прервалъ твое свиданіе съ леди Кастертонъ, замѣтилъ Эдвинъ, сегодня ты застаешь меня съ м-съ Бровъ. Надѣюсь, что твое вчерашнее свиданіе было такъ же безопасно, какъ мое сегодняшнее.

— Странно мнѣ это слышать отъ тебя, сказалъ Сидней. — Разница между пожилой и молодою прелестною женщиной слишкомъ велика, чтобы можно было допустить сравненіе.

— Не хочешь-ли ты этимъ сказать, что находился вчера въ опасности?

— Да.

— Другъ мой, тебѣ непремѣнно хочется возбудить во мнѣ ревность, но напрасно, сказалъ со смѣхомъ Эдвинъ.—Я не могу ревновать мою жену.

— Ты не имѣешь на это никакого права. Но изъ того, что я находилъ для себя опасность въ разговорѣ наединѣ съ миледи, нельзя еще выводить заключеніе, что и мое присутствіе было опаснымъ для нея. Не желая доводить искушеніе слишкомъ далеко, я рѣшаюсь бѣжать; опасно находиться возлѣ любимой женщины, зная, что мужъ пренебрегаетъ ею...

— Твое объясненіе очень странно, Лембурнъ, сказалъ Эдвинъ, нахмуривъ брови.

— Оно, по крайней мѣрѣ, честно; сознаюсь, рѣдко кто рѣшится сказать мужу: «я люблю твою жену»;—обыкновенно это говорится за спиною мужа. Однакожъ, прощай; засвидѣтельствуй мое почтеніе лэди Кастертонъ; я при тебѣ простился съ нею вчера, хочу избавить себя отъ страданія прощаться еще разъ, сказалъ Сидней, пожавъ руку Эдвина.

— Не согласишься-ли ты отвѣтить мнѣ на одинъ вопросъ? сказалъ Эдвинъ.

— Охотно.

— Зачѣмъ посѣтилъ ты мою жену, зная, что не встрѣтишь меня здѣсь?

— По самой обыкновенной причинѣ: я желалъ увидѣть ее еще разъ; я хотѣлъ посмотрѣть, какъ она переноситъ свою судьбу; теперь я понялъ, что свиданія съ нею для меня опасны, въ особенности теперь, когда я окончательно убѣдился, какъ мало ты цѣнишь ее и насколько ты недостоинъ обладать такимъ сокровищемъ. До свиданія, Кастертонъ, надѣюсь, что при слѣдующемъ свиданіи ваши отношенія улучшатся; совѣтую тебѣ подумать о томъ, что намъ, мужчинамъ, должно обращать вниманіе на свои поступки, чтобы имѣть право требовать вѣрности отъ нашихъ женъ.

— Любитъ-ли тебя Эльвира? спросилъ Кастертонъ, положивъ руку на плечо Сиднея и смотря ему прямо въ глаза.

— Эдвинъ Кастертонъ, два года тому назадъ я сказалъ тебѣ, кого она любитъ.

— Ты ошибался, я тебѣ доказалъ это тогда, и готовъ повторить доказательства. Могла-ли она, имѣя хоть тѣнь привязанности, предложить мнѣ жить отдѣльно? Высокомѣріе, одно высокомѣріе приковало ее ко мнѣ; ей необходимо было имя, но супружескія обязанности тягостны для нея.

— Пользовалась-ли она твоимъ именемъ? сказалъ Сидней.—Нѣтъ, она вела тихую, уединенную жизнь, боясь обратить на себя вниманіе. Ты ослѣпленъ, потому и не замѣтилъ, какъ старательно избѣгала она играть роль въ свѣтѣ; впрочемъ, могъ-ли ты слѣдить за дѣйствіями жены, когда былъ очарованъ, одураченъ другою женщиною.

— Ты говоришь о Мартѣ Стангенскіольдъ?

— Да, твоя несчастная страсть къ этой женщинѣ унижаетъ тебя.

— Унижаетъ! вскричалъ Эдвинъ. — Нѣтъ, Лембурнъ, эта женщина явилась солнечнымъ лучемъ въ моей жизни; только съ тѣхъ поръ, какъ я увидалъ ее, я началъ дѣйствительно жить; ни на минуту не задумавшись, я пожертвовалъ бы ей своею свободой; съ ея красотою и обворожительными качествами она была бы достойною леди Кастертонъ.

— Значитъ, ты любишь ее?

— Не только люблю, обожаю, живо сказалъ Эдвинъ.

— Отчего не переговоришь ты съ Эльвирою о разводѣ? Разведясь, вы оба можете быть счастливы, теперь же вы причиняете другъ другу горе и страданія.

Рука Эдвина тяжело опустилась на плечо Сиднея.

— Мы никогда не разойдемся, сказалъ онъ тихо, съ мрачнымъ взглядомъ,—если только лэди Кастертонъ не положитъ пятна на мое имя или позволитъ себѣ какой-нибудь неприличный поступокъ.

— Это, значитъ, что ты своею невѣрностью хочешь принудить ее...

Шорохъ шелковаго платья и шумъ легкихъ шаговъ заставилъ Сиднея замолчать. Къ нимъ подошла блѣдная, взволнованная Эльвира.

— Маркиза сильно заболѣла, сказала она, и желаетъ поговорить съ племянникомъ. Я посылаю въ городъ за докторомъ.

— Я уѣзжаю, сказалъ Сидней, и по дорогѣ заѣду къ доктору и попрошу его тотчасъ же ѣхать къ вамъ.

— Благодарю васъ, сэръ, благослови васъ Господь за вашу доброту, прошептала Эльвира.

Эдвинъ обернулся, услыхавъ взволнованный голосъ Эльвиры; никогда еще не казалась она ему такою привлекательною, какъ въ эту минуту: глаза ея были полны слезъ, на лицѣ отражался отпечатокъ глубокаго, грустнаго волненія. «Не отъѣздъ-ли Лембурна такъ волнуетъ ее? подумалъ Эдвинъ.—Если мое предположеніе справедливо, то это доказываетъ, что она можетъ любить; жаль мнѣ ее, одна смерть можетъ возвратить ей свободу. Она сдѣлалась моей женой, желая получить имя, пусть же удержитъ его до моей смерти».

VIII.

Эдвинъ провелъ нѣсколько часовъ взаперти съ маркизой; Эльвира сидѣла въ своей комнатѣ; выходя изъ нея она приказала послать нарочнаго съ письмомъ въ Альтропъ; Армида услыхала это приказаніе.

«Кому посылаетъ она это письмо», подумала она.

— Іоганъ, вы ѣдете въ Альтропъ? спросила она слугу.

— Да, мнѣ приказано передать письмо королевскому секретарю Брогрену, отвѣчалъ Іоганъ.

«Что можетъ она писать ему? подумала Армида, сильно покраснѣвъ. Чего бы это не стоило, я должна прочесть письмо».

— Будьте добры, подождите немного, сказала она громко, я тоже пошлю письмо въ Альтропъ.— Зайдите ко мнѣ немного погодя, я приготовлю письмо къ тому времени.

Іоганъ служилъ лакеемъ, бывалъ съ господами за границею, привыкъ къ послушанію, а потому обѣщалъ зайдти за письмомъ. Не успѣлъ онъ сойдти съ лѣстницы, какъ подъѣхалъ въ каретѣ докторъ. Іоганъ доложилъ хозяйкѣ о его пріѣздѣ и вскорѣ всему дому стало извѣстно, что маркиза сильно захворала.

— Потрудитесь дать мнѣ ваше письмо, сударыня, сказалъ Іоганъ, прійдя наверхъ къ Армидѣ,—я долженъ сейчасъ ѣхать, меня посылаютъ еще въ городъ за лѣкарствами для маркизы.

— Развѣ маркиза больна? воскликнула Армида,

— Да, г. Лембурнъ пригласилъ доктора въ городѣ, мнѣ же приказано немедленно ѣхать за лѣкарствами.

— Но вѣдь Альтропъ вамъ не по дорогѣ, сказала Армида.

— Этому не поможешь.

— Напротивъ, очень легко. Графиня, вѣроятно, проведетъ весь день у больной, а я намѣрена пройдти въ Альтропъ передъ обѣдомъ, чтобы переговорить съ пасторшей. Отдайте мнѣ письмо, я передамъ его, вы же скорѣе поспѣете въ городъ.

Іоганъ обрадовался предложенію Армиды и она получила желаемое письмо.

Затворивъ двери на ключъ, Армида зажгла свѣчу и, согрѣвъ печать, осторожно вынула письма; ихъ было два: одно написанное рукою Карла, другое Эльвирою. Развернувъ послѣднее, Армида прочла:

«Карлъ Брогренъ! Чтобы не имѣть слишкомъ дурного мнѣнія о васъ, я должна прійдти къ убѣжденію, что приложенное письмо, которое вы позволили себѣ послать мнѣ, было написано въ безсознательномъ состояніи; во всякомъ случаѣ я никогда не прощу вамъ этого оскорбительнаго письма; посылаю вамъ его обратно для того, чтобы вы прочли и поняли, что честный человѣкъ никогда не напишетъ такого письма уважаемой женщинѣ. Я, кажется, никогда не подавала вамъ повода забыть уваженіе, на которое всякая порядочная женщина вправѣ разсчитывать; но вы до того забылись, что осмѣлились дѣлать мнѣ самыя оскорбительныя предложенія. Уваженіе мое къ мужу принуждаетъ меня задержать посланныя вами мнѣ письма. Вы ошиблись, надѣясь ими произвести разрывъ между нами; эти письма нисколько не перемѣнятъ нашихъ взаимныхъ отношеній... Прибавлю еще, что никогда не соглашусь принять васъ въ ка-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ЛЮМИНЭ.

Jules Lavée

L. Chapon

Король Морванъ.

Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА ДЕ-ЛА-БУЛЭ.

Во время проповѣди.

Гѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ въ С.-Петербургѣ.

чествѣ гостя въ моемъ домѣ; письма, писанныя вашей рукою, будутъ возвращаться вамъ нечитанными. Эльвира Кастертонъ».

Лицо Армиды во время чтенія этого письма выражало то горькую досаду, то неподдѣльную радость.

— Ахъ, прошептала она,—я отомщена; онъ чувствительно наказанъ. Тѣ, кому онъ предлагаетъ любовь, пренебрегаютъ имъ; я же готова пожертвовать для него жизнью. О, какъ я ненавижу ее!

Армида прочла также и письмо Карла къ Эльвирѣ. Затѣмъ, должно быть, по ошибкѣ, вложила въ конвертъ только одно письмо, другое же заперла въ свой письменный столъ, послѣ чего отправилась въ Альтропъ.

Когда Армида возвратилась въ Тимасіо, тамъ на всемъ лежалъ отпечатокъ тревоги; ходили тихо, говорили шопотомъ. Всѣ чужіе разъѣхались, оставалась одна Армида, не намѣревавшаяся покидать Тимасіо изъ-за болѣзни маркизы. Она рѣшилась сдѣлаться необходимою, не только во время болѣзни маркизы, но и послѣ, съ цѣлью, какъ можно долѣе пробыть въ домѣ Эльвиры. Армида уже забыла о своемъ желаніи получить должность начальницы пансіона или наставницы.

Замѣтивъ, что Эльвира рѣшилась сама ухаживать за больной, она просто, но любезно предложила свои услуги; Эльвира поблагодарила ее, но объявила, что сама намѣрена ухаживать за больною. Армида поняла, что своимъ предложеніемъ произвела пріятное впечатлѣніе на Эльвиру.

Болѣзнь маркизы съ каждымъ днемъ становилась опаснѣе; доктора ничѣмъ не могли облегчить больную и предвидѣли для нея продолжительныя страданія, что для старухи было хуже смерти. Съ самаго начала болѣзни Эльвира неотлучно находилась при больной. Роль сидѣлки была труднѣе, чѣмъ можно было предполагать, такъ какъ больная была нетерпѣлива до крайности; страданія дѣлали ее вспыльчивою, безпокойною и несправедливою, она съ трудомъ переносила мысль, что ей прійдется страдать цѣлые мѣсяцы; ее раздражало, что доктора не могли успокоить боль, она сердилась на себя и на всѣхъ. Отъ обманутыхъ надеждъ въ молодости характеръ ея сдѣлался непреклоненъ, сердце наполнилось ненавистью къ людямъ. Болѣзнь, такъ сильно мучившая ее, началась уже давно и причиняла больной невыносимыя страданія. Маркиза стала до крайности раздражительна и мучила ухаживающихъ за нею.

Въ первый разъ у постели больной Эльвира задумалась объ обязанностяхъ христіанки и узнала, сколько удовольствія доставляетъ исполненіе долга. Будь Эльвира дочерью маркизы, она не могла бы относиться къ больной съ большимъ участіемъ и терпѣливѣе переносить ея капризы. Маркиза терпѣла одну Эльвиру, хотя съ нею также была несправедлива и крайне язвительна. Съ каждымъ днемъ требованія ея увеличивались, стоило Эльвирѣ уйдти на минуту отдохнуть и уже раздраженная маркиза давала ей понять, что она могла бы лучше ухаживать за нею, обратившей Эдвина Кастертона изъ бѣднаго искателя приключеній въ богатѣйшаго лорда Англіи. Больная часто жаловалась на недостатокъ нѣжности къ ней и на то, что за нею никто не умѣлъ ухаживать. Эльвира проводила ночи въ комнатѣ маркизы и та безъ всякаго состраданія будила ее за всякою малостью; Эльвира все переносила съ примѣрнымъ терпѣніемъ.

М-съ Бровъ постоянно находилась около комнаты больной, помогая ухаживать за больною; маркиза не могла переносить ее и м-съ Бровъ удалилась въ сосѣднюю комнату, гдѣ ее можно было видѣть сидящей постоянно за работой.

Единственнымъ человѣкомъ, выказывавшимъ особенное вниманіе Эльвирѣ, была Армида. Она не могла раздѣлить ея труда, за то всегда подготовляла ей пріятныя нечаянности; такъ, напримѣръ, Эльвира находила у своей постели свѣжіе цвѣты; когда настало время ягодъ и фруктъ, на этомъ же столѣ передъ обѣдомъ всегда стояла корзинка со свѣжими ягодами или отборными фруктами. За эту предупредительность Эльвира дружески относилась къ Армидѣ.

Какъ держалъ себя въ это время лордъ Кастертонъ? Цѣнилъ ли онъ поведеніе Эльвиры, достойное удивленія? Онъ былъ нѣженъ съ маркизою, съ терпѣніемъ переносилъ упреки, посѣщалъ ее по нѣсколько разъ въ день и оставался въ ея комнатѣ, пока она не прогоняла его; когда страданія маркизы успокоивались, онъ читалъ ей англійскія книги или старался сократить время разговоромъ; пользуясь этимъ, Эльвира удалялась въ свои комнаты или, если маркиза не выпускала ее, молча сидѣла у кровати больной. Изрѣдка обмѣнивалась она съ мужемъ нѣсколькими словами. Эдвинъ никогда не выражалъ безпокойства о здоровьи Эльвиры; онъ даже не показывалъ вида, что замѣчаетъ ея заботы о теткѣ. Онъ никогда не старался смягчить дѣйствіе оскорбительныхъ словъ маркизы, бывшей особенно рѣзкою въ его присутствіи, только глаза его постоянно слѣдили за женою, точно онъ желалъ разгадать причину, заставлявшую ее такъ внимательно ухаживать за больною. Въ свободное время Эдвинъ или ѣздилъ верхомъ или запирался въ своей комнатѣ. Невнимательность Эдвина еще болѣе выказывалась при сравненіи съ нѣжнымъ вниманіемъ Армиды, заботившейся о томъ, чтобы Эльвира не изнуряла себя и чаще выходила на воздухъ; она да Лотти были единственными существами, привязанными къ молодой женщинѣ.

— Добрая Эльвира, сказала однажды утромъ Армида, послѣ тщетныхъ усилій уговорить ее идти погулять,—дурную услугу оказываешь ты себѣ и теткѣ, разстраивая свое здоровье; сверхъ того ты обязана позаботиться объ удобствахъ мужа; соскучившись отъ вѣчнаго уединенія, онъ можетъ искать развлеченія въ Скокгофѣ. Прошу тебя, ради твоего здоровья, прогуливайся каждое утро и занимайся по часу съ твоимъ мужемъ. Я не отстану отъ тебя сегодня, пока ты не исполнишь моего желанія; ты блѣдна, по твоей наружности видно, какъ необходимъ тебѣ свѣжій воздухъ.

Эльвира согласилась, взявъ съ Армиды обѣщаніе, посидѣть рядомъ со спальнею и сейчасъ же извѣстить ее, когда больная проснется.

Эльвира тихо пошла по парку; лучи солнца освѣщали зеленые луга, трава была покрыта каплями росы; свѣжій морской вѣтерокъ дулъ съ бухты, своевольно играя чашечками цвѣтовъ и верхушками деревьевъ. Эльвира уже давно не гуляла: теперь стоялъ августъ, маркиза же заболѣла въ іюнѣ. Эльвира шла, опустивъ голову, мысленно переживая прошлое и настоящее; ей вспомнилось, какъ, еще веселымъ ребенкомъ, пробиралась она этой дорогой, какъ потомъ, почти взрослою дѣвушкою, она не разъ твердила: «какъ бы я была счастлива, еслибъ сдѣлалась обладательницею этого имѣнія и знатнаго имени!» Теперь, имѣя и то и другое, она все же не была счастлива. Невольно пришли ей на память слова Армиды: «Соскучась отъ вѣчнаго уединенія онъ будетъ искать развлеченія въ Скокгофѣ».

«Что хотѣла она этимъ сказать? Неужели Марта въ Скокгофѣ? Какъ могъ Кастертонъ позволить себѣ»... думала она, но вспомнивъ о его письмахъ къ Мартѣ, рѣшила, что онъ тотчасъ же отправится въ Скокгофъ, когда узнаетъ, что Марта тамъ. Задумавшись, Эльвира незамѣтно подошла къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда стояла палатка, возбудившая ея дѣтское любопытство, въ которой она познакомилась съ Мартой; теперь это мѣсто было засажено деревьями, подъ которыми стояли зеленыя скамейки. Мѣсто не походило на прежнее; Эльвира сѣла на одну изъ скамеекъ, облокотясь головою на руку; нѣсколько слезъ скатилось по ея щекамъ. Одному Богу извѣстно, какъ горьки были эти слезы. Эльвира такъ углубилась въ свои мысли, что не замѣтила молодого человѣка, вышедшаго изъ боковой аллеи. Увидя Эльвиру, онъ остановился, слѣдя за нею глазами. Когда она сѣла, онъ вскорѣ подошелъ къ ней.

— Эльвира! сказалъ онъ тихимъ дрожащимъ голосомъ.

— Карлъ! воскликнула испуганная Эльвира; затѣмъ, посмотрѣвъ на него спокойно, серьезно прибавила:—Что привело васъ сюда, г. Брогренъ?

— Желаніе увидать тебя и переговорить съ тобою. О, Эльвира, какъ могла ты такъ жестоко отказать мнѣ въ свиданіи? Я былъ близокъ...

— Г. Брогренъ, прошу васъ прекратить разговоръ, неприличный какъ для меня, такъ и для васъ, прервала его Эльвира.—Вамъ не объ чемъ со мною говорить, мнѣ же нечего слушать; наши дороги разошлись и никогда не могутъ сойтись. Вы совершенно напрасно преслѣдуете меня выраженіемъ своихъ чувствъ, этимъ вы оскорбляете меня и внушаете къ себѣ презрѣніе.

Эльвира поднялась съ намѣреніемъ уйти.

— Одно слово, графиня, сказалъ Карлъ задыхающимся голосомъ.—Вы кажется увѣрены, что можете безнаказанно говорить о своемъ презрѣніи ко мнѣ. Но знайте, я не позволю втоптать себя въ грязь и осмѣять мою любовь. Вы достигли званія и богатства, но моя месть легко можетъ поразить васъ и низринуть съ высоты, на которой вы стоите. Будьте осторожны; мнѣ стоитъ только сказать: «Эта знатная дама родилась въ тюрьмѣ! Мать ея совершила преступленіе; она же только пріемная дочь ростовщика Бромера»—и вы погибли. Пока я не намѣренъ мстить, но совѣтую вамъ не раздражать меня.

Затѣмъ вѣжливо поклонившись, онъ ушелъ.

Эльвира снова сѣла на скамейку; она сильно поблѣднѣла; на нее точно напалъ столбнякъ.

— Нѣтъ не можетъ быть, сказала она наконецъ, проведя рукою по лбу, встала и поспѣшно направилась домой.

Между тѣмъ Карлъ, идя домой, встрѣтилъ лорда Кастертона и насмѣшливо улыбнулся, какъ бы не узнавая его. Онъ замѣтилъ, что лицо лорда было сурово.

«Онъ встрѣтитъ Эльвиру, подумалъ Карлъ,—и убѣдится, что она имѣла свиданіе со мною. По дѣломъ, милордъ; теперь вы поймете, что я чувствовалъ, когда вы сдѣлались обожателемъ Марты; она была моей невѣстой, я имѣлъ право расчитывать на ея вѣрность. Вы отняли ее у меня! Я потерпѣлъ неудачу, желая отнять у васъ вашу жену, но все-таки постараюсь устроить такъ, что вы будете считать себя обманутымъ».

И Эдвинъ дѣйствительно встрѣтилъ Эльвиру и замѣтилъ ея волненіе.

— Армида права, прошепталъ онъ;—моя супруга возвращается со свиданія. Очевидно, этотъ пошлякъ намѣренъ сдѣлаться любовникомъ леди Кастертонъ. Но вы ошибаетесь, сударыня, я не допущу васъ обмануть себя.

Тутъ встрѣтился съ нимъ Іоганъ и на ломаномъ французскомъ языкѣ сообщилъ ему, что маркизѣ очень плохо. Поспѣшивъ въ комнату больной, Эдвинъ засталъ тамъ Эльвиру. Маркиза металась на постели въ страшныхъ страданіяхъ.

Прошло нѣсколько дней и положеніе больной не измѣнилось; доктора ничѣмъ не могли облегчить ея страданій; Эльвира почти не отходила отъ постели больной, позволяя себѣ отдыхать только въ короткіе промежутки, когда маркиза засыпала. Такъ прошло девять дней; наконецъ

страданія маркизы прекратились и она заснула спокойнымъ сномъ.

Докторъ, съ удовольствіемъ смотрѣвшій на эту перемѣну, объявилъ Эльвирѣ и Эдвину, что они могутъ отдохнуть, такъ какъ маркиза вѣроятно проспитъ всю ночь. М-съ Бровъ предложила свои услуги, обѣщаясь разбудить ихъ при малѣйшемъ движеніи больной. Эльвира, однакожъ, не соглашалась оставить больной.

— Милордъ, вы должны уговорить леди успокоиться, иначе я не отвѣчаю за послѣдствія; ея силы слишкомъ истощены, сказалъ докторъ Эдвину.

Впродолженіи девяти дней Эдвинъ ни разу не заговорилъ съ Эльвирой, онъ только постоянно слѣдилъ за нею, то раздраженнымъ, то сострадательнымъ взоромъ.

— Если мои слова могутъ имѣть какое-нибудь значеніе въ вашихъ глазахъ, сказалъ онъ,— то я прошу васъ послѣдовать совѣту доктора.

Эльвира вспыхнула и пристально посмотрѣла на Эдвина, точно желала сказать: «Дѣйствительно-ли ты желаешь, чтобы я щадила свои силы, вѣдь моя смерть была бы для тебя выигрышемъ?»

Эдвинъ, растроганный выраженіемъ ея глазъ, забылъ всю накипѣвшую въ немъ злобу.

— Я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ моей первой къ вамъ просьбѣ; вы сжалитесь надъ собою и мною, сказалъ онъ.

— Я исполню ваше желаніе, прошептала Эльвира.

IX.

Настала полночь, лампа едва освѣщала комнату больной. Спокойно спавшая маркиза снова начала метаться, наступилъ бредъ, она звала Вильяма.

— М-съ Бровъ! ясно и отчетливо сказала она.

Англичанка, спокойно усѣвшаяся въ кресло, послѣ ухода Эдвина и доктора, быстро поднялась и нагнулась къ больной.

— Мы одни? спросила маркиза.

— Да, отвѣчала м-съ Бровъ.

— Дайте мнѣ лекарство и отвѣчайте на мои вопросы; я чувствую, что часы мои сочтены, я хочу умереть, сдѣлавъ все, что въ моихъ силахъ.

Должно быть м-съ Бровъ вполнѣ удовлетворительно отвѣчала на вопросы больной, потому что когда она кончила, маркиза пожала ей руку и сказала:

— Благодарю васъ; все еще можно поправить, позовите Эльвиру.

— Маркиза, ей необходимъ покой, ее нельзя будить, настоятельно сказала м-съ Бровъ.

— Вы должны это сдѣлать; когда настанетъ утро, меня не будетъ въ живыхъ.

М-съ Бровъ стояла на своемъ.

— Ну, хорошо, позовите лорда. Я переговорю съ нимъ... да... скорѣе... сначала я все... повѣрю... сыну Вильяма.

Разсвѣтало, когда Эльвира, не могшая заснуть всю ночь, тихо стала пробираться изъ своей комнаты къ маркизѣ. Безпокойство прогоняло у нея сонъ, что-то тянуло ее въ комнату больной. «Маркиза умираетъ, а ты не при ней», шепталъ ей внутренній голосъ.

Тихо вошла Эльвира въ кабинетъ, рядомъ со спальной больной; она застала въ немъ, какъ казалось, крѣпко заснувшую м-съ Бровъ; неслышными шагами прошла Эльвира мимо нея, осторожно отворила дверь въ спальню и приподняла портьеру. Комната была слабо освѣщена ночною лампою, оставляющей часть комнаты, въ которой находилась Эльвира, въ совершенной темнотѣ; свѣтъ падалъ на постель, у которой сидѣлъ Эдвинъ, со вниманіемъ прислушиваясь къ шепоту маркизы. Эльвира остановилась на минуту, устремивъ взоръ на эту группу, потомъ стала удаляться, намѣреваясь выйти, но остановилась, услыхавъ голосъ Эдвина.

— Тетушка, даю вамъ обѣщаніе съ этой минуты всѣми силами заботиться объ ея счастьѣ; обѣщаюсь также исполнить ваше желаніе, не разрывать связывающаго насъ союза, развѣ только она запятнаетъ мое имя.

— Благодарю, прошептала маркиза.—Прикажите теперь позвать мою дочь... Я желаю... видѣть... Эльвиру.

— Я здѣсь, прошептала Эльвира, опустясь на колѣни и схвативъ исхудалую руку маркизы.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Къ рисункамъ.

Бѣгство въ Египетъ. Мерсонъ—одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ художниковъ, занимающихся историческимъ жанромъ, представилъ на нынѣшнюю парижскую выставку очень замѣчательную картину. Эта картина не принадлежитъ къ строго историческому жанру и художникъ далъ въ ней волю своей фантазіи Но тѣмъ не менѣе она прекрасна и навѣваетъ на зрителя именно то чувство, которое желалъ пробудить художникъ. Это чувство священной тишины, кроткаго покоя. Передъ вами опаленная солнцемъ, безбрежная пустыня, подъ звѣзднымъ южнымъ небомъ. Въ воздухѣ стоитъ такая тишина, что огонь и дымокъ потухающаго костра подымаются вверхъ прямымъ столбикомъ, не колеблемые ни малѣйшимъ вѣтеркомъ. Пустыня безлюдна; въ сторонѣ только подымается громадный сфинксъ, занесенный снизу песками; на первомъ планѣ понуро стоитъ осликъ; тутъ же спитъ старикъ Іосифъ; между лапами гиганта-сфинкса у его груди пріютилась Дѣва Марія съ Інсусомъ на рукахъ; отъ Божественнаго Младенца исходитъ свѣтъ, похожій на свѣтъ луны, кроткій и мягкій. Вотъ все содержаніе этой картины, имѣющей какое то неотразимое вліяніе тишины и покоя. Эта картина перешла уже въ нѣсколько заграничныхъ иллюстрацій и наша коллекція картинъ нынѣшняго «Салона» была бы не полна безъ нея. Снимокъ съ нея, предлагаемый нами читателямъ, сдѣланъ превосходно.

Во время проповѣди. Читатели наши, конечно, помнятъ картину лондонской выставки, носящую тоже названіе, какъ и произведеніе Де-ла-Булэ. Произведеніе Де-ла-Булэ не отличается юморомъ англійскаго художника, но за то оно поразительно хорошо по типичности лицъ. Эти три женщины изъ французскаго простонародья—молодая дѣвушка, сухая и прямая женщина среднихъ лѣтъ и согнувшаяся старуха—замѣчательно жизненны и правдивы. Особенно хороша эта сухая съ рѣзкими чертами лица, съ сжатыми тонкими губами, вытянувшая сухую шею работница или торговка, не мало, повидимому, пережившая и смотрящая внимательно и строго. Очень милъ также и старикъ, наклонившій на бокъ голову и читающій молитвенникъ. Это настоящій французъ.

Король Морванъ. Третья картина французскаго художника Люминэ переноситъ насъ въ отдаленныя вѣка европейской исторіи. Король Морванъ, одна изъ мрачныхъ и суровыхъ личностей, долженъ подписать смертный приговоръ своему врагу; этотъ приговоръ принесенъ его духовникомъ, настаивающимъ на казни; но вотъ является дочь короля и начинаетъ вымаливать прощеніе осужденному. Художникъ взялъ именно тотъ моментъ, когда дочь еще не успѣла смягчить суроваго отца и, цалуя его руку, заглядываетъ въ его еще хмурые и строгіе глаза. Группа этихъ трехъ лицъ вышла очень удачною у талантливаго художника.

Моцартъ и Сальери. Одними изъ лучшихъ произведеній Пушкина безспорно являются его драматическіе опыты—«Пиръ во время чумы», «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Моцартъ и Сальери». Послѣдній изъ названныхъ драматическихъ очерковъ послужилъ тэмой для оригинальнаго рисунка г. Кеппена, изобразившаго ту минуту, когда вдохновенный Моцартъ принимается за передачу своего послѣдняго геніальнаго произведенія, а Сальери, полный затаенной зависти и ненависти къ великому генію, подсыпаетъ ему въ стаканъ отраву. Чистое, какъ бы безоблачное, проникнутое вдохновеніемъ лице Моцарта представляетъ яркій контрастъ съ омраченнымъ низкими помыслами, хмурымъ лицемъ преступника, мучимаго и сознаніемъ своей бездарности и сознаніемъ величія своего геніальнаго друга-соперника.

Смерть работника. Польскій художникъ Андріолли, кажется, достаточно извѣстенъ нашимъ читателямъ и потому о его талантѣ говорить нечего. Рисунокъ его, предлагаемый нами читателямъ въ настоящемъ нумерѣ, передаетъ одну изъ тяжелыхъ минутъ въ жизни семьи бѣднаго работника—минуту его смерти, лишающей и жену и дѣтей опоры и грозящей въ будущемъ рядомъ голодныхъ дней.

Смѣсь.

— Лига мира. Происходившій въ Неаполѣ, 25-го октября, конгресъ «лиги мира» въ пользу постепеннаго разоруженія высказалъ пожеланія, чтобъ европейскія правительства вошли между собою въ соглашеніе относительно единовременнаго и пропорціональнаго разоруженія.

— Бури и наводненія въ Испаніи. 17 (29) октября, въ Мадридѣ большая сильная буря, а въ Малагѣ циклонъ причинили большія опустошенія. Городъ Вера въ провинціи Альмеріи подвергся наводненію. Вода изъ рѣки близь Альмасоры проникла въ желѣзныя и серебряныя руды и причинила убытокъ, опредѣленный въ 500,000 песетъ. Двадцать одинъ человѣкъ утонули и 30 домовъ снесены водою. По послѣднимъ извѣстіямъ, наводненіе въ Мурсіи причинило убытковъ болѣе, чѣмъ на 50 миліоновъ франковъ. Въ Лоркѣ погибли 12 человѣкъ, въ Аквилѣ 55, а въ Мурсіи болѣе 1,000 человѣкъ.

— Генералъ Радецкій. Въ «Москов. Вѣд.» напечатано: Около половины декабря (1877 года) Радецкій представилъ предположеніе о форсированіи Шипкинскаго прохода, которое и было утверждено Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ. Согласно этому предположенію, два отдѣльные отряда: Скобелева, находившагося правѣе Шипкинскаго прохода, и князя Святополка-Мирскаго, бывшаго лѣвѣе, должны были одновременно спуститься съ горъ и атаковать непріятеля съ обоихъ фланговъ; Радецкій же, на пути котораго были воздвигнуты препятствія почти неодолимыя, долженъ былъ только развлекать непріятеля. Скобелевъ, какъ извѣстно, опоздалъ, а потому кн. Мирскій одинъ дрался цѣлый день противъ всѣхъ силъ непріятеля, однако овладѣлъ нѣсколькими его укрѣпленіями. По диспозиціи, бой долженъ былъ возобновиться на слѣдующее утро. Но кн. Мирскій, имѣя въ своемъ распоряженіи одну только дивизію и не зная, поддержитъ-ли его Скобелевъ, который могъ быть задержанъ и еще на сутки, послалъ къ Радецкому спросить, какъ поступать ему.—«Подождите до 12 часовъ,—приказалъ ему сказать Радецкій;—если къ этому времени Скобелевъ еще не будетъ, я самъ двинусь впередъ». Наступило утро—о Скобелевѣ ни слуху, ни духу. Тогда Радецкій посылаетъ за своими полковыми командирами, принимаетъ ихъ съ обыкновенною своею привѣтливостью, отдаетъ нѣкоторыя неважныя приказанія, и затѣмъ предлагаетъ... сыграть пульку. Играютъ, разговариваютъ, смѣются. Но ровно въ 11 часовъ Радецкій встаетъ и говоритъ: «Господа, отправляйтесь къ своимъ частямъ; мы сію минуту выступаемъ противъ непріятеля. Подольскій полкъ слѣдуетъ въ первой линіи, такой-то—во второй»; словомъ, объявляетъ диспозицію... Entendre—c'est obéir. Полковые командиры откланиваются и уходятъ. Но одинъ изъ нихъ, храбрый командиръ Подоль-

скаго полка, Духонинъ, избранный для перваго удара, остановился на мгновеніе и сказалъ:

— Если не ошибаюсь, ваше превосходительство, это значитъ положить лоскомъ весь полкъ.

— Да, вы не ошибаетесь. Полку вашему, можетъ-быть, придется лечь; но это необходимо.

Все было сдѣлано, какъ приказано. Подольскій пошелъ въ дѣло въ составѣ 1,800 человѣкъ, а вышелъ въ 120. За то цѣлая турецкая армія положила оружіе. Разумѣется, Радецкій былъ и самъ въ огнѣ, въ адскомъ огнѣ, и, разумѣется, не терялъ ни своего обыкновеннаго спокойствія, ни своей обыкновенной веселости. Нѣсколько разъ его начальникъ штаба, его адъютанты упрашивали его отъѣхать въ болѣе безопасное мѣсто. Наконецъ кто-то сказалъ ему: «посмотрите, вѣдь вы нашъ единственный резервъ». Тогда онъ отъѣхалъ. Вскорѣ впрочемъ прибылъ и Скобелевъ.

— **Новый трудъ М. А. Рыкачева** (замѣтка Вакуловскаго). На нѣсколькихъ обсерваторіяхъ, распредѣленныхъ по обширному пространству Россіи, втеченіи болѣе 20 лѣтъ производятся между прочимъ ежечасныя барометрическія наблюденія, которыя даютъ возможность на станціяхъ разнообразно расположенныхъ, начиная отъ приморскихъ и до континентальныхъ, изучить суточныя колебанія барометра, столь тѣсно связанныя съ суточными періодическими движеніями атмосферы. Этотъ драгоцѣнный матеріалъ не былъ однако до сихъ поръ обработанъ во всей полнотѣ. Задачу эту принялъ на себя при помощи нѣсколькихъ лицъ М. А. Рыкачевъ, помощникъ директора здѣшней главной физической обсерваторіи. Недавно мемуаръ его появился на русскомъ и французскомъ языкахъ. Въ первой главѣ изложенъ способъ вычисленія; во второй сдѣланы отдѣльныя замѣчанія о каждой русской обсерваторіи; въ концѣ этой главы помѣщены общій обзоръ всего матеріяла, принятаго въ разсчетъ и замѣтка къ употребленію приложенныхъ таблицъ для приведенія наблюденій къ средней суточной величинѣ. Въ третьей главѣ авторъ дѣлаетъ замѣчанія по каждой изъ иностранныхъ станцій; между ними результаты наблюденій въ Упсалѣ и Неаполѣ вычислены вновь; выводы остальныхъ станцій были, по возможности, провѣрены и, въ случаѣ нужды, исправлены. Въ четвертой главѣ онъ даетъ общіе результаты наблюденій: изслѣдованія надъ третьимъ максимумомъ въ суточномъ ходѣ барометра зимою; общій характеръ суточнаго хода барометра и вліяніе географическаго положенія и временъ года. Въ пятой главѣ, послѣ краткаго обзора различныхъ гипотезъ о причинахъ суточныхъ колебаній барометра, онъ даетъ новое объясненіе этого явленія и сообщаетъ нѣкоторые результаты изслѣдованій надъ суточнымъ періодическимъ движеніемъ воздуха, которое, какъ онъ доказываетъ, имѣетъ большое вліяніе на суточный ходъ барометра.

— **Распространенность французскихъ газетъ.** «Independance Belge» сообщаетъ слѣдующія цифры распространенности нѣкоторыхъ парижскихъ газетъ: «Rappel» расходится въ 70.000 экз., «Figaro» 64.000, «France» 40.600, «Paix» 40.000, «Temps» 22.000, «Liberté» 17.000, «Marseillaise» 17.000, «XIX Siècle» 14.000, «Petit Journal» 565.000, «Petite République» 181.000, «Lanterne» 137.000, «Petit Moniteur 100.000.

— **Ревность.** Одесская газета «Правда» разсказываетъ слѣдующую романическую исторію. Нѣкая Екатерина Календо два года тому назадъ состояла сестрой милосердія въ херсонскомъ военномъ госпиталѣ и здѣсь познакомилась съ Шинкаревымъ, который служилъ въ этомъ же госпиталѣ фельдшеромъ; сойдясь съ Шинкаревымъ, Календо, по ея объясненію, предупреждала его, что у нея натура «пылкая» и она любитъ горячо, и если онъ станетъ измѣнять ей, то ему придется разстаться съ жизнью. Интимныя отношенія ихъ продолжались полтора года, но мѣсяцевъ пять назадъ онъ замѣтно сталъ «охладѣвать» къ ней и, какъ она узнала, завелъ другую любовницу. Тогда она, желая отомстить за измѣну, назначила ему утромъ, 10-го октября, свиданіе на Александровскомъ проспектѣ и затѣмъ упросила его снова придти на свиданіе въ тотъ же день вечеромъ, послѣ чего они отправились въ Кіевскую гостинницу. Въ 5 ч. утра 11 октября, когда подали въ номеръ ихъ самоваръ, она, не будучи въ состояніи долѣе обуздать порывы своей ревности, выстрѣлила ему въ лѣвый бокъ. Календо еще молодая дѣвушка, лѣтъ 22—23, блондинка.

Отъ Редакціи. I. Насъ просятъ объявить въ журналѣ, сколько будутъ стоить первые 28 нумеровъ «Жив. Об.», безъ всякихъ приложеній. Стоимость ихъ съ пересылкой обойдется 3 р. 50 коп.

II. На письмо анонимнаго кореспондента, принимаемъ-ли мы для напечатанія переводные романы и повѣсти, отвѣтомъ служатъ постоянно помѣщаемыя въ журналѣ произведенія иностранныхъ авторовъ въ русскомъ переводѣ. Что касается гонорара за оригинальныя и переводныя произведенія, то онъ назначается по соглашенію съ авторами и переводчиками.

III. Втеченіи года мы получили нѣсколько требованій на олеографіи, выданныя, какъ преміи, въ нынѣшнемъ году. Не зная въ то время, сколько потребуется экземпляровъ для раздачи гг. подписчикамъ, мы отвѣчали, что не можемъ продавать эти олеографіи. Въ настоящее время, когда уже довольно точно опредѣлилось, какое количество экземпляровъ останется за раздачей гг. подписчикамъ, мы объявляемъ, что желающіе могутъ пріобрѣтать эти олеографіи въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

1) **Графъ Кассельмонте** — 75 коп., съ пересылкой 1 р. 25 коп.

2) **Наказанное любопытство**—75 коп., съ пересылкой 1 р. 25 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 42-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 20-го октября въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 21-го октября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**

Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

Объявленія.

Объ изданіи въ 1880 году журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Журналъ будетъ издаваться по той же програмѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: Повѣсть **П. Д. Боборыкина**; «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи) романъ **Н. И. Северина**; стихотворный разсказъ въ трехъ частяхъ «Въ морѣ житейскомъ», **Б. Левина** (съ иллюстраціями); Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); романъ **Гонкура**; «Изъ міра русскаго искуства», рядъ статей **Диллетанта**; Пляски и танцы на Руси, историко-біологическій очеркъ **Вл. Михневича**; Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго**; «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова**; рядъ статей **Н. В. Шелгунова** и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того будетъ помѣщенъ «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ знатока этого дѣла, извѣстнаго художника, г. **Петра Соколова.**

ПРЕМІИ: 1 и 2) **Двѣ олеографическія картины**—«Малороссіянки», **К. Е. Маковскаго** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго;**— картины, оригиналы которыхъ составляютъ собственность Редакціи и потому не могутъ появиться ни въ какихъ копіяхъ въ продажѣ. 3) **Большая гравюра** на веленевой бумагѣ съ картины геніальнаго русскаго художника **А. Иванова**, «Явленіе Христа народу», хорошихъ копій съ которой до сихъ поръ еще не появлялось въ Россіи. Затѣмъ 4) **Литературная**, съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся гг. подписчикамъ, внесшую полную годовую плату за изданіе.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).**

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки	**6** р.	**3** р. **50** к.
» » съ доставкой и пересылкой	**7** р.	**4** р.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, **въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близь Невскаго проспекта), д. № 6** и въ мѣстныхъ Конторахъ: **въ Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; **въ Одессѣ**, въ Южномъ агенствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 26 Октября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)